

КИМФА

9 (24)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

СЕНТЯБРЬ
2004

в газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

МЫ ПРИЗВАНЫ В ОБЩЕНИЕ

В Москве прошла конференция «Вера – диалог – общение: проблемы диалога церкви и общества»

Фото Анастасия Мозгова

С 29 сентября по 1 октября в Москве, в помещении библиотеки-фонда «Русское зарубежье», проходила посвященная памяти акад. С.С. Аверинцева международная научно-богословская конференция «Вера – диалог – общение: проблемы диалога церкви и общества».

Эта встреча, четырнадцатая в ряду традиционных осенних конференций Свято-Филаретовского православно-христианского института, в этот раз проводившаяся совместно с журналом «Вестник РХД» и РГГУ, уже второй год остро ставит проблему диалога – одну из главных проблем современности. Объявленная тема не могла не заинтересовать широкий круг церковных и общественных деятелей. Далеко не случайно на первом пленарном заседании присутствовали не только священнослужители и миряне, но и представители Совета Федерации, правительства Москвы, академических институтов и высших учебных заведений.

продолжение на стр. 3

В НОМЕРЕ:

В Москве прошла XIV международная научно-богословская конференция Свято-Филаретовского института. Интервью с ее участниками и краткий обзор трех дней работы – на сс. 1, 3, 6-7, 9, 12

В краю святых миссионеров. Профессор миссионерской семинарии протоиерей Михаил Олекса рассказывает о сегодняшнем дне православной церкви на Аляске (с. 2)

НАШ ПУТЬ – ЭТО СЛУЖИТЬ ДО САМОГО КОНЦА ТАК, КАК НАМ ДАЕТСЯ

Интервью епископа Силуана, викария митрополита Иосифа (приходы Румынской православной церкви в Западной Европе)

Зоя Дашевская: Какой опыт, пример церковного служения вдохновляет Вас? Может быть, опыт новомучеников, святых последнего времени?

Епископ Силуан: Я не случайно Силуан, меня очень вдохновляет опыт старца Силуана Афонского. Когда я прочитал то, что он написал, моя жизнь перевернулась. Это было в начале четвертого курса. Вся его духовность, его жизнь и то, как о. Софроний, духовный наследник старца Силуана, собирал людей вокруг себя – это меня очень вдохновляло и оказало на меня большое влияние.

Зоя Дашевская: Что из первоочередных задач церкви видится Вам сейчас самым важным и необходимым?

Епископ Силуан: Первый вопрос, который нужно решать, стоит между сердцем каждого человека и Богом. Господь говорит, что из сердца человека исходит все – и мысли, и слова. Господь говорит, что Царство Божие внутри нас. Отсюда начинаются дела, плохие или хорошие – это зависит от того, как мы относимся к этим словам Господа. Церковь значит общение, цель которого осуществить реальность знаемого нам всем благословения: «Бла-

гословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа». Это благословение – основание Церкви и критерий Церкви.

Проблемы церкви не снаружи, а внутри, в ней самой. Они начинаются внутри и решаются внутри, внутри человека. Если я обретаю это Царство, тогда церковь становится единой, святой, соборной и апостольской. Или нет – это зависит от меня.

Есть такое распространенное искушение: когда мы видим проблемы и трудности, мы часто стараемся решать эти проблемы извне, как будто мы родители и видим, что наш ребенок заболел, но не понимаем, что у него краснуха, и занимаемся только сыпью, занимаемся каждым отдельным прыщом вместо того, чтобы дать лекарство, которое избавит ребенка от болезни.

Господь начал работу спасения изнутри, когда Слово стало плотью. Он не пришел решать проблемы Своего времени, Царство Его не от мира сего. Но Он пришел свидетельствовать об изменении пути, о том, что необходимо покаяться, ибо приблизилось Царствие.

Зоя Дашевская: Мы знаем, что «внутри» значит еще и «посреди». Что Вы можете сказать о возрождении общинного

пути, общинных связей в церкви?

Епископ Силуан: Когда все установлено внутри на фундаменте, которым является Христос, все, что снаружи, приходит в гармонию – слова, взгляд, поведение. Все это становится мирным. Тогда и отношения между людьми налаживаются, гармонизируются. Может быть, мы займемся одним Христом, и если мы сделаем это, наше внимание распространится и на братьев. Невозможно жить во Христе и не делиться с другими, переливаясь через край. И, конечно, нужно все делить, но это должно быть естественно, потому что мы делимся своим существом. И если у нас внутри нет равновесия, это повлияет на других.

Зоя Дашевская: Что из наследия XX в. кажется Вам наиболее важным для будущего церкви? Может быть, пример матери Марии, наследие новомучеников, какие-то богословские поиски?

Епископ Силуан: Евангелие говорит, что мудрый человек выносит из своей сокровищницы старое и новое. Как понять это, что значит для нас быть мудрыми и целомудренными?

продолжение на стр. 2

Старшим нужно научиться быть, а не только слыть. На вопросы «Кифы» отвечает ректор СФИ, в этом году отметивший 15-летие рукоположения (с. 4)

Кто должен ловить человек?

Мы продолжаем публикацию материалов Преображенской встречи Содружества малых братств (с. 5)

Серафим и Серафима

Десять лет назад игуменьей Новодевичьего монастыря стала внучка новомученика (с. 8)

Последний из «могикан» Об о. Таврионе (Батозском) вспоминает один из постоянных паломников в Преображенскую пустынь (сс. 10-11)

НАШ ПУТЬ - ЭТО СЛУЖИТЬ ДО САМОГО КОНЦА ТАК, КАК НАМ ДАЕТСЯ

начало на стр. 1

Нам было доказано всем опытом XX в., что можно выживать в ужасных обстоятельствах, как, например, в России, но, с другой стороны, широко распространялась поверхностность, которая очень часто дает о себе знать в жизни христиан. Есть пример новомучеников, и этим примером показывается, как можно жить в невыносимых обстоятельствах. С другой стороны, мы также замечаем, что нам самим часто невозможно жить и не смотреть на других. Мы не живем как христиане, а лишь смотрим друг на друга. Серафим Саровский своей жизнью осуждал — для нас, во всяком случае, — тех, кто жил не как он. Но он никого не судил, он просто делал свою работу, он жил во Христе. В наше время это для нас пример. Он совершил свое дело полностью. Вот путь. Может быть, наш путь немножко отличается, но нам нужно понять, что наш путь — это служить до самого конца так, как нам дается. Мы должны знать, что нужно совершать волю Божью и никогда об этом не забывать. Воля же Божья в том, чтобы всем спастись и дойти до знания правды. С другой стороны, Господь завещал нам любить друг друга, как Он возлюбил нас и никого не осуждать.

Я думаю, что самые великие вещи происходят тихо, может быть, никто их даже не заметил, они были и остаются в сердцах тех, кто их пережил. Жить со Христом, во Христе — это пример.

Зоя Дашевская: *Каковыми кажутся Вам цели, задачи молодых христиан сейчас? Что мы могли бы сделать каждый на своем месте?*

Епископ Силуан: Задачи настоящей христианской жизни невозможны. Это невозможно — жить настоящей христианской жизнью. Но у нас есть слово, которое говорит, что Богу все возможно. И если мы, понимая это, принимаем за невозможное дело, тогда мы делаем это без претензий и просто стараемся служить по мере наших возможностей и желаний. Если у нас что-то получается, тогда мы вспоминаем слово Господне — если вы все сделали, скажите, что вы рабы недостойные. Христос говорит нам: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой». Это значит, что он сохраняет нас от двух вещей: от тщеславия и от отчаяния. От отчаяния, что ничего не получается, что ничего нельзя изменить. От тщеславия как от того впечатления, что мы всех научим жить и покажем миру, как это надо делать. Именно так мы учимся терпению.

Двусторонний перевод
Лидии ОБОЛЕНСКОЙ

На расширенной встрече административного совета Синдесмоса. На первом плане — епископ Силуан и Зоя Дашевская

В КРАЮ СВЯТЫХ МИССИОНЕРОВ

Интервью с протоиереем Михаилом Олексой, профессором миссионерской семинарии в г. Кадьяк, Аляска

«Кифа»: О. Михаил, как сейчас на Аляске сохраняются традиции митр. Московского Иннокентия и патриарха Тихона?

Прот. Михаил Олекс: Я бы сказал, что в нашей епархии переводы, сделанные св. Иннокентием на алеутский, продолжают использоваться как основа богослужения в наших храмах. В моей миссии в Анкоридже мы служим на алеутском наравне с английским и церковнославянским, это часть нашего наследия — наследия православных аляскинцев.

«Кифа»: *Каковы основные трудности для православной жизни и для православной миссии на Аляске сейчас? С какими проблемами вам приходится сталкиваться?*

Прот. Михаил Олекс: Это проблемы, которые идут еще со времени митр. Иннокентия и даже ранее — то, что территория очень большая, как Сибирь в России, города далеко друг от друга, поэтому передвижение затруднено и дорого. В прошлом люди могли приезжать в свои приходы летом на лодках, а зимой — в собачьих упряжках... Сейчас мы не передвигаемся на собачьих упряжках, они используются разве только для развлечения или тонок, и у людей нет проблемы добраться из деревни в город, на приход: можно долететь на самолете, но это самый дорогой вид транспорта. У приходского священника очень мало денег, и добираться до приходов где-то в отдаленных местностях очень дорого.

Экономическая ситуация значительно улучшилась за последние 30 лет, но не так обстоит дело в церкви. Потому что в прошлом, в русский период, все расходы церкви оплачивались российским или американским обществом. После того, как Аляска стала американской территорией, даже вплоть до революции в России, большинство расходов церкви и зарплаты священников несло Миссионерское общество, существовавшее в России. Например, в моем приходе в Джунго (Juno), основанном в 1894 году, многое было оплачено Россией — чаши, дискос, кадило, крест, колокол. Даже деньги, чтобы платить за здание — во всем помогал Россия. Все это закончилось в 1917 году, и церкви пришлось как-то выживать за счет своих собственных ресурсов. Это было очень сложно, для каких-то приходов это была критическая ситуация. Священники привыкли к тому, чтобы служить без зарплаты — многие так и продолжают служить. Пожертвования прихожан идут только на поддержание храма, ремонт и т.д. И это действительно привело к реальным трудностям, даже, я бы сказал, к разорению некоторых семей. Зачастую священники имеют самый бедный дом в деревне. Молодые люди не стремятся в священники, в семинарии, потому что в социальном плане священники живут хуже, труднее, чем все остальные. Поэтому, например, в нашей семинарии в этом году очень мало студентов — 12 человек на курсе. Еще несколько лет, и будет кризис. Сейчас у нас 35 священников, еще 6 лет назад их было 40 — максимальное число за прошедшее время. Проблема не в том, что у нас нет священников, потому что жизнь очень сложная, а в том, что мы не поддерживаем их, и их жизнь становится трудной.

«Кифа»: *Как влияет православие на жизнь северных народов, таких как эскимосы и алеуты? Насколько это им помогает в их жизни?*

Прот. Михаил Олекс: Я бы сказал, что это реальная проблема для нашей церкви. Что я имею в виду? 30 лет назад у нас не было радио, телевидения, мы почти не имели контактов с внешним миром. Затем все это появилось — и радио, и телевидение... 30-40 лет назад люди вели простую традиционную жизнь, и церковь была в центре жизни местного сообщества, люди ходили на все богослужения, в любой день недели. По мере роста деревень (теперь они

уже в 3-4 раза больше, чем были) храмы оказываются на краю деревни. И это не просто социальный процесс, но, я бы сказал, духовный сдвиг церкви — от центра к периферии. Для дедов церковь, храм, была центром их жизни, для внуков, для большинства из них, церковь уже не так интересна. Деды, родители, знали все службы наизусть на своем национальном языке, внуки же очень часто уже не разговаривают на этом языке. Если службы в храме идут на традиционном племенном языке, внуки уже не могут понять, что говорят, поют в храме. Если народ и священник служат на эскимосском в деревне, где дети уже больше не говорят на эскимосском, то они не идут в храм, они идут куда-то в другое место. Но дело не только в языке. Даже если они понимают и говорят по-эскимосски, они не ходят в храм. Если в прошлом храм был центром общественной жизни деревни, то сейчас много других занятий — различные спортивные команды, легкая атлетика, волейбол, баскетбол, другие развлечения, видео, телевидение, электронные игры, интернет — весь мир пришел к нам. И встает проблема привлечения молодых людей в церковь.

«Кифа»: *Есть ли какая-то православная жизнь вне богослужения, за стенами храма? Как она идет?*

Прот. Михаил Олекс: Есть одно позитивное направление, которое получило развитие около 20 лет назад, — это летние лагеря для детей и молодежи. Это, конечно, мало по времени — одна неделя такой церковной совместной жизни против остальных 52 недель года, которые мы проводим в современном нецерковном секуляризованном обществе, которое очень действует на нас. Хотя общество не обязательно против религии, — оно может быть не против — но безразлично к церкви, и это действует.

«Кифа»: *Государство как-то помогает деятельности церкви?*

Прот. Михаил Олекс: Нет. В Америке принят закон против всякой правительственной поддержки любой религиозной активности, какой бы она ни была.

«Кифа»: *На севере также?*

Прот. Михаил Олекс: Во всех штатах. «Кифа»: *Есть ли у вас какие-то встречи, или курсы, или школы для взрослых христиан, которые стремятся к изучению Православия, традиции и истории Церкви?*

Прот. Михаил Олекс: В большинстве приходов — нет, потому что в наших деревнях почти все — православные, и считают, что, в общем, все знают, и нет интереса к научению чему-то большему. Но в больших городах такие встречи есть. Например, в моем приходе дважды в год у нас есть циклы лекций, о которых мы объявляем в газете, открытые для всех. И примерно половина тех, кто приходит, — это постоянные прихожане, половина — ищущие, которые по тем или иным причинам интересуются православием и хотят узнать о нем больше. Хотя это зависит от темы цикла лекций. Приходят разные люди, но, я думаю, в любом случае это приносит плоды. Также и в кафедральном соборе что-то проводится — еженедельные занятия по изучению Библии, встречи для детей и подростков.

«Кифа»: *Вопрос, который мы не можем не задать: что вы ждете от объединения РПЦ и ROCOR (Russian Orthodox Church Outside Russia)?*

Прот. Михаил Олекс: Это очень сложный вопрос для нас. Потому что наши взаимоотношения с РПЦЗ долгое время были очень плохими. Из-за революции американские православные приходы, со своими епископами и священниками, порвали взаимоотношения с Москвой в 1920-х гг. В то же время у нас не было приходов Русской Православной, как я говорю секты Заграницей, потому что они были в Европе. Но после Второй Мировой войны, после поражения нацистов в Германии, они переправились в Америку и пришли, чтобы «стать настоящей, истинной православной церковью». В какой-то степени это выглядело так, будто они пришли как завоеватели и объявили нам войну. Большая часть митрополии была не в очень хороших отношениях с Москвой. Но и с этой церковью не было хороших отношений, потому что они начали пытаться звать к себе, выкрадывать приходы, со-

здавая таким образом напряжение и разделение. Они стали говорить, что, дескать, вы не в настоящей церкви, вы в секте, что настоящая православная церковь — это мы, и вы должны перейти к нам. На Аляске они сделали большую ошибку. Они пришли на радио, телевидение и стали обвинять нашего епископа в большевизме. Но все знали, что его отец был арестован Сталиным и сослан в ГУЛАГ, что его дед был казнен как враг народа. Его невозможно было сделать большевиком. Можно было жаловаться на что-то другое, но не на это. Из-за того, что они обвиняли нашего епископа публично, тот обратился в суд против них и одержал победу над ними, и выгнал их с Аляски. Но в общем-то, нам было одинаково плохо и с Московским патриархатом, и с «русской православной сектой за границей». Затем, в 1970 году Московский патриархат и наша церковь заключили мир, и Московский патриархат признал нас как автокефальную Православную церковь в Америке. Тогда возник также конфликт и с Грецией — Константинополь сказал: кто такая Москва, чтобы признавать церковь автокефальной, это должно признаваться нами, в Константинополе. И вот когда мы заключили мир с Москвой, мы были не во враждебных, но в непростых отношениях с патриархатом, и даже с другими церквями. И вот, через 35 лет, Москва заключает мир с «зарубежной группой». Как сложатся наши отношения с ними? РПЦЗ в Америке принимала всех священников, которых мы смещали или отклоняли, потому что церковь признавала, что они неправильно живут или не учат прихожан жизни по вере. И, если мы объединимся, то как мы будем жить вместе, служить в одной церкви? Это будет очень тяжело и трудно. Конечно, мы очень рады примирению между «зарубежниками», народом и Московским патриархатом, мы не можем быть против мира, но как это отразится на нас, как это будет работать в Америке — это очень сложный вопрос! Правда, не для Аляски, потому что зарубежники уже возвращались на Аляску, когда тот епископ ушел на пенсию, и организовали один приход в Анкоридже, но это было не очень успешно. Но для остальной части Америки это действительно вопрос — как произойдет объединение, после того, как они приходили и были так враждебны к нам, и принимали священников, которых мы считали недостойными служителями. Это значит, что, говоря об объединении, нельзя не учитывать, что это не просто дело Москвы и Зарубежной группы, но также затрагивает и Православную церковь в Америке.

«Кифа»: *О. Михаил, что бы Вы пожелали читателям нашей газеты?*

Прот. Михаил Олекс: Я думаю, что самая важная вещь — то, что можно увидеть на примере опыта выживания и жизни Православной церкви на Аляске. Когда Аляска перешла к Америке в 1864 году, на Аляске было около 20 приходов, сейчас у нас — 94 прихода. Православная церковь здесь во многом возросла благодаря поддержке России с 1864 по 1917 год. В течение этих 50 лет нам оказывалась финансовая, и даже миссионерская поддержка. Следующие 80 лет никакой поддержки извне не было, ни со стороны США, ни со стороны России, и тем не менее за эти годы, сложные, трудные годы, церковь выросла с 30 до 90 приходов. Это замечательно! Можно даже сказать — чудо! Не просто выживание, но рост церкви! Мне кажется, это случилось потому, что люди признали, что это их вера, их церковь, и взяли ответственность за нее. Извне не было никакой поддержки, весь остальной мир как будто забыл о православии на Аляске. Потом были прославленные свт. Иннокентий, св. Иаков Нещетов, первый алеутский священник, и св. Герман Аляскинский. Принцип их миссии, который они представили — что церковь должна быть местной, использовать местный язык, местную культуру. Церковь должна быть понимаема людьми, сами люди должны занимать активную позицию и отвечать за церковь. Именно на этих принципах церковь выживала и росла.

16 июля 2004 года, Иломанси.
Беседовал Александр БУРОВ.
Перевод с английского
Анны ЛЕПЕХИНОЙ

МЫ ПРИЗВАНЫ В ОБЩЕНИЕ

В Москве прошла конференция
«Вера – диалог – общение:
проблемы диалога церкви и общества»

Фото Бориса Левичко

начало на стр. 1

Открывший пленарное заседание доклад проф. Н.А. Струве (Париж) поставил проблему в контекст опыта русской эмиграции. Делая выбор между закрытостью, будто бы обещавшей сохранение аутентичности, и принятием Божьего дара свободы как призвания к открытости и служению, церковь эмиграции основывала свое свидетельство прежде всего на интенсивнейшем внутреннем диалоге, — свидетельствуя о своем личном опыте участия во встречах РСХД, сказал Н. А. Струве. По его мнению, «основной предпосылкой успешного диалога церкви и общества должна быть святость, понятая не как данность, а как заданность», бескорыстие и жертвенная любовь, не ждущая быстрых результатов, но работающая «на будущее» и надеющаяся на то, что «когда-нибудь все это будет услышано».

Затронутая в ходе доклада проблема кажущейся невостребованности диалога со стороны общества была продолжена и раскрыта в докладе проф. Жоржа Нива (Женева), одного из авторитетнейших современных славистов, подробно осветившем этот вопрос на примере последних двух столетий в истории Франции. Перед слушателями встала живая картина сложности и проблем современной Европы, где слово «спасение» больше ничего не говорит человеку. Общество, хотя и основанное, по словам кардинала Люстиже, на «секуляризованных христианских началах», нуждается в живом слове, в голосе христиан, который должен быть слышен. При этом, заметил Жорж Нива, это не та проблема, которую можно решить путем возрождения теократий: «Молчание Христа перед Великим Инквизитором — свидетельство того, что перед институциями Христос молчит».

Доклад акад. РАЕН, президента-ректора РГГУ Ю.Н. Афанасьева, касавшийся прежде всего современных российских проблем, невольно продолжил тему бесплодности упований на связь церкви и государственной власти. Приведя печальную статистику, развеивающую миф о подавляющем преобладании православных в России, докладчик тем не менее на вопрос: возможен ли в этих условиях диалог? уверенно

ответил: не только возможен, но и необходим. По его мнению, в переживаемое ныне смутное время, когда происходит крушение не только оснований европейской культуры, но и вообще представлений о добре и зле, церковь могла бы играть ведущую роль, если бы общество стало гражданским, а церковь признала ценность этого общества.

Проф.-свещ. Георгий Кочетков поставил в центр своего доклада тот опыт диалога, который в этот день неоднократно упоминался не только в кулуарах, но и в некоторых докладах как пример успешного опыта. Выделив основные принципы диалога, которые позволяют считать его нормальным, он рассказал о принципах жизни Сретенско-Преображенского братства — прежде всего о стремлении к евхаристическому возрождению и восстановлению миссии и катехумената, к полноте церковной жизни на общинно-братских началах и единению людей в любых обстоятельствах, к сочетанию единства и разнообразия. В ходе доклада было показано не запрограммированное заранее, но естественно возникшее соответствие между теми и другими принципами. «Принципы, принятые всеми членами Сретенско-Преображенского содружества — а это не одна тысяча человек — соответствуют самой сути церковно-общественного диалога, и в них есть все для его плодотворного осуществления», — сказал о. Георгий. — Поэтому все годы своего существования, то есть уже более пятнадцати лет, несмотря на наши недостатки, братство по внутренним своим свойствам является естественной площадкой такого диалога».

Закрывший первую часть пленарного заседания доклад свещ.-д-ра Альберта Рауха (Регенсбург) «Тезисы о церкви» С.Н. Булгакова и Догматическая конституция о Церкви II Ватиканского собора» вернул слушателей к теме плодов богословия русской эмиграции и прозвучал как свидетельство изнутри католической церкви о точках единения между Западом и Востоком, поныне недооцененных и на Западе, и на Востоке.

продолжение на стр. 6-7

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

«Кифа»: Наталья Петровна, Вы первый раз на конференции СФИ, или Вы были на них и раньше?

Н.П. Аверинцева: Я бывала на очень многих. До 2002 года почти каждый год, когда они проводились, я бывала на них вместе с Сергеем Сергеевичем.

«Кифа»: Не могли бы Вы поделиться тем, что Вы думаете о них?

Н.П. Аверинцева: Мне кажется, что они очень важны именно потому, что в них принимают участие и священники и миряне — не только, когда они посвящены теме диалога. И естественным образом диалог происходит — между церковью и миром, между отдельными людьми. Доклады, как правило, бывают очень интересными, на очень высоком научном уровне. Мне не приходилось бывать на такой конференции, где что-нибудь было недостаточно хорошо. И всегда все устроено хорошо в смысле организации.

«Кифа»: Что бы Вы сказали о нынешней конференции, хотя бы по результатам первой половины дня? Как Вам кажется, есть ли какие-то перспективы у диалога церкви и общества?

Н.П. Аверинцева: Мне не хотелось бы думать, что их нет. Это было бы слишком печально. Перспективы должны быть, и, мне кажется, они действительно есть. Вопросы были поставлены очень интересные, очень существенные и важные, и мне кажется, совместный ответ на них можно было бы найти. Не сразу, может быть, не на этой конференции, но важно, чтобы вопросы были поставлены.

«Кифа»: Важно, наверное, начало этого движения?

Н.П. Аверинцева: Да, да, да.

«Кифа»: В своем докладе о. Георгий Кочетков назвал Сретенско-Преображенское братство одним из возможных пространств такого диалога. А каким Вам представляется такое пространство диалога?

Н.П. Аверинцева: Место для диалога? Община — это прекрасное место для диалога. Может быть, лучше, чтобы он происходил именно в общине или на таких конференциях. Потому что организован он должен быть тоже — не просто встреча на улице и приятная беседа. Это требует какой-то организации, здесь же организация уже есть.

«Кифа»: Каково Ваше отношение к тому, что эта конференция посвящена памяти С.С. Аверинцева?

Н.П. Аверинцева: Я очень благодарна, конечно, для меня это радость. Это уже третья конференция, на которой я сама была, и еще собираюсь быть в Петербурге и Архангельске. И, по-моему, еще в Минске. Я очень благодарна людям, которые устраивают эти конференции, которые выступают, которые приходят.

«Кифа»: Тема диалога — это ведь одна из тем, которые его волновали?

Н.П. Аверинцева: Очень волновала. Диалог в церкви и обществе, внутри него, в семье... Эта тема для него очень важна. Да, да, диалог поколений, диалог культур, если, конечно, не понимать культуру просто как этнографию.

«Кифа»: Что бы Вы могли пожелать читателям нашей газеты?

Н.П. Аверинцева: Самые лучшие пожелания — участия в диалоге.

«Кифа»: Конференция завершилась. Каковы Ваши главные впечатления?

Джозефина Адзарро (Guiserpin Azgarro), профессор свободного университета Благовещения Св. Девы Марии, супруга президента сената Итальянской республики Марчелло Пера (Marcello Pera): Я могу сказать, что эта конференция уникальна по разным причинам. И из-за серьезности, с которой была поставлена и принята тема с участием многих важных людей, которые здесь были, и из-за темы, которая очень важна как для России, так и для всей Европы. И еще более важно то, что здесь живет братское общение, общение во Христе. И это очень важно, потому что мы чувствуем и то, что рядом с нами тот человек, который ушел, но который рядом с нами — Сергей Сергеевич Аверинцев, человек, который нас объединяет и зажигает надежду в нас — как в людях, как в христианах, как в церкви.

Я говорю от всего сердца: то, что делаете вы, важно и для нас тоже. Я надеюсь, что у нас будет общее будущее. То, что было здесь — это вещь уникальная, единственная и потрясающая, которая зажигает сердца надеждой и очень многое обещает не только для будущего России, но и для будущего Европы.

«Кифа»: Скажите, каким образом Вы узнали о нашей конференции?

М. Г. Сохраненков, ведущий специалист комитета по связям с религиозными организациями г. Москвы: Из обращения к М.А. Меню. Он, к сожалению, очень занят и попросил комитет по взаимосвязям с религиозными организациями направить на конференцию своего представителя. Я представляю этот комитет.

«Кифа»: В первый ли раз Вы на наших конференциях и не предполагаете ли сделать какое-либо сообщение?

М. Г. Сохраненков: Да, я в первый раз, просто в силу своего возраста. К сожалению, я не буду делать никакого сообщения, потому что поручение поступило недавно, буквально вчера. Мы не успели подготовить какие-нибудь материалы.

«Кифа»: Обсуждали ли Вы друг с другом саму тему конференции, тем более в связи со спецификой Вашего отдела?

М. Г. Сохраненков: Да, конечно. Дело в том, что первейшая задача нашего комитета — это межрелигиозный мир и согласие, которые мы поддерживаем в городе Москве, по крайней мере стараемся поддерживать по мере сил. Я думаю, этим все сказано. Конечно же, такие конференции являются для нас не просто важными, но, я бы сказал, значимыми. Естественно, мы собираем как можно больше информации, чтобы на следующих таких конференциях можно было бы уже обсудить какие-то более реальные планы дальнейших взаимоотношений между правительством Москвы и, в частности, возможно, Свято-Филаретовским институтом.

СТАРШИМ НУЖНО НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ, А НЕ ТОЛЬКО СЛЫТЬ

Интервью ректора Свято-Филаретовского института, священника Георгия Кочеткова

«Кифа»: *О. Георгий, 24 сентября исполнилось 15 лет Вашей священнической хиротонии. Скажите, с какого момента Вы поняли, что хотите стать священником?*

Свящ. Георгий Кочетков: Это было моментом откровения. Я бы не мог этого сказать про свою веру. Если бы меня спросили, когда я стал верующим, я назвал бы какой-то достаточно длительный период. А здесь я могу сказать определенно: в 1968 году, когда я впервые попал в храм Московской духовной академии, меня буквально осенило, что мое место здесь, то есть не именно в этом здании, а там, где люди становятся священниками и где дается духовное образование. Семинаристов тогда было очень мало, только-только завершились хрущевские гонения. Я никого не знал, у меня не было ни одного человека — ни знакомых, ни друзей — среди верующих, и поэтому я попал на эту службу один. Мне там очень понравилось. Но главное — я почувствовал, что мое место здесь, что это мое призвание. И с тех пор я не просто считал себя верующим, но человека, который хочет быть священником и монахом. Это решение было очень твердым, это решение было очень конкретным, я начал размышлять только над тем, как его превратить в жизнь — ну, а это уже целая история.

На рукоположение, а следовательно, на поступление в духовную школу, меня напрямую благословлял о. Всеволод Шпиллер. Он даже прямо подчеркивал, что учеба имеет смысл только ради сана. Он долго меня к этому готовил. Он говорил, что в нашей церкви много попов — и они нужны церкви, если только они хорошие попики — но священников, говорил он, мало. Но еще нужнее церкви священники. Когда-то исторически «поп» и «священник» было одним и тем же словом. «Поп» — это «папа», дальше протопопы и так далее. А сейчас для нас в обертонах существует все-таки довольно большое различие между этими словами. Поэтому я очень хорошо понял о. Всеволода. Так вот, он меня готовил к тому, чтобы стать священником, а не попиком, пусть даже очень честным, и хорошим, и преданным своему делу, и любящим свое ремесло, или, как атеисты в то время говорили, «кадило и кропило». Поэтому мне пришлось готовиться к поступлению в семинарию (а фактически сразу в академию) в течение двенадцати лет, с 1968-го года до 1980-го, когда я поступил сразу в Ленинградскую духовную академию.

«Кифа»: *Из того, что Вы представляли себе тогда, многое ли осуществилось?*

Свящ. Георгий Кочетков: Что удалось? Прежде всего — осуществить хорошую подготовку и обрести сан, несмотря на резкое сопротивление компетентных органов советской власти — уполномоченного, КГБ и т.д. Правда, дьяконом я стал в 83-м году, а священником в 89-м, через шесть с половиной лет. Это не случайно. Я стал дьяконом в конце третьего курса, на Благовещенье, и за это митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников) получил резкий выговор от уполномоченного. Меня спас лишь диабет. Митрополит говорил: «Ну, у него диабет, что ж тут с человека

возьмешь, все равно пропащий, никакого вреда от него не будет, поскольку диабетик — это уже почти не человек». Мне уже был назначен срок, я знал, что на Пасху меня будут рукополагать во пресвитеры. Но этого не произошло, потому что митрополит не хотел иметь еще один разговор по моему поводу с уполномоченным, тем более с какими-то другими товарищами, и эту

понятно, как относились к находящемуся в опале дьякону, который, во-первых, больной, во-вторых, не может служить даже дьяконом. Это было не всегда «приятное времяпрепровождение», но все-таки я прошел снизу через все, как говорится, степени, и это мне очень много дало для понимания глубины и реалий приходской церковной жизни, всех ее сторон, и поло-

од его жизни. Я понимал всю ценность православного богослужения и до сих пор его ценю высочайшим образом, поэтому стараюсь ему уделять очень много внимания. Но я по-другому стал понимать богослужение. Я знал его историю, я и раньше понимал, что богослужение может быть совершаемо лучше, что необходима проповедь, что необходима более понятная форма богослужения, которая являла бы его суть, заложенную в нем от времен апостолов до наших дней. Я понимал, что богослужение — оно богослужение, но оно не осмысливается. Я не могу сказать, что оно бессмысленно, потому что внутренний-то смысл в нем всегда есть...

«Кифа»: *Как икона в окладе. Свящ. Георгий Кочетков:* Не просто в окладе! Этот оклад еще и в футляре, потому что оклад слишком драгоценный, страшно его оставить без футляра.

Так вот, смысл моих представлений о священстве изменился вместе с моими представлениями о происхождении и сущности развития вообще принципа иерархии в церкви, даже самого священства. Я много лет уделяю внимание тому, что этот вопрос, мягко говоря, не разработан в православной церкви. Мы много лет повторяем одни и те же затверженные формулы, но мы очень плохо понимаем, что за ними стоит. Если бы не XX век, не Булгаков, Бердяев, Афанасьев и некоторые другие, мы бы очень много не поняли в этом. Это не значит, что мы должны уходить от того доброго опыта, который есть в церкви, но мы должны в него вживаться глубже, как бы вгрызаться, потому что иногда он как бы закрыт плотной коркой.

«Кифа»: *Что Вы могли бы пожелать Вашим собратьям — скажем, тем молодым священникам, которые только сейчас рукополагаются?*

Свящ. Георгий Кочетков: Что я мог бы пожелать? Я не знаю. Мне кажется, что священник должен делать акцент на общении. Он должен стремиться к постоянному общению с Богом и постоянному общению с ближним даже тогда, когда ему самому это очень трудно дается, даже когда ему хочется уползти, отдохнуть, просто отойти от дел, отойти от постоянного собрания людей, как бы пожить только для себя немножечко в течение дня. Он не должен этого себе позволять, он не должен себя жалеть, он не должен ни на что претендовать вообще. Я говорю это священникам именно потому, что у них больше всего соблазна посмотреть в эту сторону. На самом деле это требование к каждому христианину, но от «простого христианина» традиционно ничего не требуется, а к священникам всегда были какие-то требования, часто непомерные, несправедливые, не предполагающие, что священник — это просто человек, такой же человек, как и все. Это уже беда нашей православной истории. Так что — может быть, это главное: если человек хочет служить, то он должен научиться общаться. Он должен научиться не думать о себе совсем, даже тогда, когда ему плохо, даже тогда, когда он сам еле стоит на ногах или почти теряет сознание. Он не должен думать просто о своей семье, он не должен думать просто о своих делах, как своих. Все

это должно быть воцерковлено, включено в его церковную жизнь.

Он должен служить Церкви, то есть созиданию, собиранию Народа Божьего, и помнить, что он только тогда священник, когда он совершает Евхаристию, т.е. только на литургии верных, только когда он приносит бескровную жертву. Потому что священник в переводе на русский язык значит «жертвоприноситель», тот, кто приносит жертву. Да, в реальности во все иное время он не священник, или священник, но не больше, чем любой другой христианин. Впрочем, и на Евхаристии он приносит жертву не один, но тут у него особое место, слишком особое, поэтому оно может его выделить. При этом он должен больше думать о том, чтобы стать пресвитером, то есть старшим. Он должен быть как старший брат в семье. Старший — это такой же, как все, но он должен быть немножко более опытным, немножко более знающим, немножко более ответственным, немножко более честным, немножко более духовным, молитвенным.

Он не может быть в этом на голову, на порядок выше всех остальных — это не оправдывается жизнью, точно так же как не оправдывается мнение, что только священнослужитель имеет право проповедовать и учить в церкви. Да сплошь и рядом миряне, и даже женщины, которым никогда не давалось это право на протяжении константиновского периода церковной истории, проповедают лучше священников и епископов, если они просто научены вере, если они живут этой верой. И Господь им дает силу слова часто значительно большую. Поэтому нужно отбросить этот исторически неверный ход, когда за священнослужителями, и только за ними, признавалась возможность учить народ. Нет, любой может учить — тот, кому это дано от Бога, потому что пророческая харизма здесь важнее собственной иерархической, священнической. Так что нужно понять, что священник, будучи устами Церкви во время евхаристии, возглавляя принесение бескровной жертвы, должен признавать и всех сослужащих с ним. Весь Народ Божий сослужит священнику, не только стоящие с ним в алтаре вокруг престола, все верные сослужат на евхаристии, но старший — один. Самый старший в соборании, как и в семье среди братьев и сестер, всегда один. Не может быть их двое или трое.

Так вот, старшим нужно научиться быть, а не только слыть. Это не всегда напрямую связано с физическим возрастом или с формальным образованием. Да, очень хорошо, когда священник и формально образован, и когда он по возрасту старше, но это совсем не обязательно. Пресвитер, старший, должен быть пресвитером везде. Вот пресвитерство, старшинство, в отличие от священства, не связано только с литургией верных, только с принесением бескровной жертвы, пресвитерство связано со всеми сторонами церковной жизни. И это очень важно.

Вопросы задавали Александр БУРОВ и Александр КОЛЫМАГИНА

Фото из архива Анатолия МОЗГОВА

24 сентября 1989 г. Члены общины поздравляют о. Георгия во дворе Новодевичьего монастыря после хиротонии

хиротонию просто отложили. Ну, а когда в том же году, осенью, в ноябре, меня исключили из духовной академии, с четвертого курса, по требованию тех же самых товарищей, вопрос как бы повис в воздухе. Я попал в черные списки. И пришлось шесть с половиной лет этой хиротонии добиваться, как-то ждать, при этом не идя ни на какие компромиссы с совестью.

Надо сказать, я очень благодарю Бога за это время. Это ведь было дополнительное время подготовки. Я не мог, по понятным причинам, оставшись вне стен академии, служить дьяконом, получить регистрацию уполномоченного по делам религий — ни о чем этом речи не шло, даже не могло идти; все многочисленные ходатайства за меня не могли осуществиться, даже если ходатайствовали постоянные члены Синода. И за эти шесть с лишним лет я что-то успел усвоить, будучи чтецом, выполняя какие-то, может быть, иногда даже немножко униженные функции на приходе —

«Кифа»: *Как Вы представляли тогда суть священнического служения и изменились ли Ваши представления за пятнадцать лет?*

Свящ. Георгий Кочетков: Тогда для меня это была просто форма отдачи себя на служение Богу и Церкви, которую я понимал очень конкретно, как, например, понимает большинство священнослужителей: совершать богослужение. Надо в церкви что-то делать и при этом совершать богослужение, которое замечательно, вдохновляюще, которое удивительно молитвенно, которое может поддержать любого человека в любой пери-

КТО ДОЛЖЕН ЛОВИТЬ ЧЕЛОВЕКОВ?

Из материалов круглого стола по проблемам миссии и катехизации, прошедшего 20 августа 2004 г. на XV Преображенской встрече Содружества малых братств

Виктор Котт, преподаватель истории церкви (Свято-Филаретовский институт): Миссия и катехизация могут быть объединены одним словом — вхождение в церковь. Когда мы говорим о миссии, то мы говорим о проповеди Христа, о проповеди Бога, о проповеди Церкви, о проповеди человека. И такая миссия может принести плод в человеческом сердце, человек может получить дар от Бога, начаток веры, начаток благодати, и может решить начать свой путь вхождения в жизнь во Христе, в жизнь в народе Божьем. И тогда его надо учить вере и жизни христианской, и это научение христианской вере и жизни заканчивается тем, что Церковь говорит: «Аминь», и человек входит в народ Божий. Церковь говорит «Аминь» на свидетельство Божие о том, что этот человек может войти, и поэтому вхождение в Церковь человека никогда не происходит просто по вере человеческой, не по воле человека, который хочет войти («Не вы Меня избрали, а Я вас избрал»), не по воле какого-то отдельного церковного человека, или того, кто называет себя церковным человеком.

Народ Божий — это народ, который имеет своего Бога Господом. И даже в Ветхом Завете, как вы знаете, пока человек всем сердцем, всей силою, всей крепостью своею и всей кровью своею не признает, что Господь есть Бог и нет у него других богов, до тех пор нет у него возможности вхождения в народ Божий. Но нас интересуют не эти простые соображения, которые всем известны, которые можно уточнить и углублять, нас сегодня интересует суть служения. И в связи с этим хотелось бы поговорить и о мотивации миссионерско-катехизической деятельности.

Как уже говорилось неоднократно, в Церкви ничего не делается только по воле человеческой. В Церкви все делается по призыванию Божию и по свободному воленому ответу человека. То есть в Церкви действуют и Бог, и человек, и поэтому в Церкви важны и Бог, и человек. В Церкви не может быть самозванства. Всякое служение в Церкви связано с призыванием, и, в частности, невозможны ни миссионерское, ни катехизическое служения без прямого Божьего призывания, потому что благодатные силы на служение дает Господь. Так же как невозможно привести к себе, так же как невозможно только своими силами действовать в Церкви, так невозможно придумать для себя служение. И поэтому очень важно, что харизмы, которые Господь дает, даются Церкви в целом и человеку церковному, потому что невозможно одному человеку взять на себя не просто ответственность за какое-то служение, но и о себе свидетельствовать. Церковное «Аминь» в этом смысле не просто знак согласия Церкви, а это знак свидетельства о свершившейся воле Божьей. Это не задача только одного человека.

Когда мы хотим жить во Христе, когда мы хотим жить в Церкви, то мы хотим жить полной жизнью. Стремление к полноте — это условие церковной жизни. И поэтому в теле Христовом не просто существуют и должны существовать все служения, но более того, тело Христово не может существовать без полноты служений. Когда мы слышим

слова апостола Павла «Ревнуйте о дарах больших», то речь идет не просто о личном выборе человека, а просто о личном стремлении человека, о том, что человек должен стараться это сделать, а речь идет о жизни во Христе, о том, что по-другому Церковь не может жить. Это, по образу апостола Павла, как человек, который не может жить, если у него нет какого-то органа. То же самое можно говорить о служениях. Неполнота резко сужает церковную жизнь. И поэтому задача христианина всех эпох церковной истории эту редуцированную преодолеть. А она преодолевается только тогда, когда мы стремимся к восстановлению полноты всех служений в Церкви.

Что значит в этом контексте миссионерско-катехизическое служение? Когда мы вспоминаем евангельские слова, что от избытка сердца говорят уста, то мы утверждаем одну определенную вещь: если Господь не дает Духа Своего на это служение, не дает харизмы, — невозможно благовествовать. Из опыта церковной жизни мы очень хорошо знаем, что в константиновскую эпоху, когда не было церковной ответственности, когда не было ответственности за церковные служения, практически не было ни миссии, ни катехизации. Катехизат в основном прекратился как раз на изломе IV-V веков. То же самое можно говорить и о миссии. Один современный греческий миссиолог утверждает, что в Византии вообще не было миссии как таковой. Для него есть только несколько исключений — это Кирилл и Мефодий и несколько русских миссионеров. Что это значит? Это значит, что миссия и катехизация — то служение, которое требует памятования о словах Господних, обращенных к фарисеям: «Вы хотите идти на край земли и привести людей, чтобы сделать их худшими себя». Если мы будем это помнить, то тогда становится понятно, почему Господь так просто эту харизму не дает. И только когда возрождались церковность, ответственность народа Божьего за Церковь, когда такие прорывы в церкви были, тогда в церкви возникали хотя бы элементы миссии и катехизации.

Два слова о мотивации. Это важно для сопоставления с нашей сегодняшней жизнью. Внутренняя мотивация Церкви, касающаяся миссии и катехизации, это, во-первых, благодарность Богу за дар жизни во Христе, это сострадание к миру, сострадание к падшему человеку. И еще — у апостола Павла есть одна очень важная миссионерская мотивация — это чувство долга. Когда он говорит, «Торе мне, если я не благовещую», он ощущает себя должником. Он ощущает себя неоплатным должником у Бога, и поэтому его благоговение требует миссии.

Теперь мне хотелось бы сказать о нашем опыте, о том, как в нашем братстве шло становление катехизации. Я не буду подробно это описывать, это огромная и очень важная задача, но если мы попытаемся ее прояснить, она полностью совпадает с восприятием откровения о Церкви. Сначала один человек, потом группа людей и т.д. Вначале это было индивидуальное, личное дело о. Георгия, тогда еще молодого мирянина, когда он, будучи студентом, делился тем, что Господь ему открыл. И

это было еще почти индивидуально-христианское служение. Потом, когда уже появились первые оглашаемые — это самое начало 70-х гг. — то это уже было связано с неким более глубоким вхождением в приходскую жизнь. Потому что индивидуальная христианская жизнь все-таки обычно меньше, чем приходская жизнь. Когда человек входит в приходскую жизнь с ее таинствами, это уже некий следующий этап. И надо сказать, что этап такого рода тоже был. Хотя была уже регулярная индивидуальная катехизация, но она уже была связана больше с приходом. И потом буквально с приходом и буквально с приходскими благоговениями и приходскими решениями. Это было важно. Один из священников, связанных с тем кругом, из которого выросло братство, с помощью о. Георгия и Александра Михайловича Копировского занимался катехизацией уже на приходе.

Следующий этап — это уже середина 70-х гг. В 1975 г., т.е. тридцать лет назад, по благосло-

рал всех людей и он не смог свидетельствовать. Почему? А потому что если советское время было временем, когда и «камни возопиют» — если зажимать рот, то и камни будут вопить, так что даже какие-то индивидуальные вещи были достаточными, — то после крушения советской системы индивидуальных усилий стало недостаточно. И любой человек, занимающийся миссией и катехизацией, встал перед выбором: либо это будет церковно, либо Господь это отнимет.

Священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Содружества малых братств: Само по себе братство и сама по себе община слишком многого здесь сделать не может. И вообще существует большая проблема с общинной катехизацией, с братской катехизацией — так же, как и с приходской катехизацией. Помните, в прошлом году на Преображенском соборе у нас был замечательный разговор, во время которого выступали многие из тех, кто имеет отношение и к

Фото Галины Серовой

вению о. Всеволода Шпиллера состоялась первая агапа. И это было связано с попыткой соборания общины, и, в общем-то, со словами о. Виталия и с размышлениями о. Георгия о различении общины и прихода. Интересно, что именно с конца 70-х гг. — начала 80-х гг. рождается катехизация в группах — мне представляется, что дело здесь было не только в том, что просто стало больше людей.

Середина 80-х гг. была связана, в частности, с тем, что этот опыт был осмыслен в диссертации о. Георгия «Таинственное введение в православную катехетику». Кроме того, к 1987 году рождается первая община. А что такое рождение общины? Это как атомный взрыв любви в мире сем. Это знамение Божие. Это значит, что свидетельство принадлежит уже не одному-двум людям, которые имеют призывание от Бога, а принадлежит уже общине. И поэтому в то время, во второй половине 80-х гг., рождаются открытые встречи. Пока на квартирах. И Господь начинает приводить людей. Вы знаете что такое атомный взрыв. Это ценная реакция. Я думаю, что когда праздновалось тысячелетие крещения Руси, не автоматически «свалилось» столько людей к нам на катехизацию. Вы знаете, что зимой на Рождество 1994 года на открытой встрече в клубе МВД — без всякой рекламы — была тысяча человек. И очень важно, что это происходило не только потому, что был подъем в народе и очень большой интерес к церкви. Я знал одного миссионера, у которого в конце 80-х — начале 90-х все люди ушли. Просто ушли. Вот Господь заб-

приходской, и к братской катехизации. Их свидетельства были очень ценны, очень важны. Мы пришли тогда к очень неутешительному выводу: к тому, что приходской катехизации, в общем-то, быть не может, что приход не может полноценно воцерковлять людей. Но мы, конечно, не кончили эту тему. Дело в том, что, строго говоря, общинной катехизации тоже быть не может, потому что община тоже не может воцерковить людей полностью. Община сама — только часть Церкви. Вот если бы эта община была евхаристическая, это другое дело. Тогда она могла бы, я думаю, успешнее и полнее вести катехизацию.

К этому нельзя не добавить колоссальную проблему с катехизаторами. Дело в том, что далеко не всегда они бывают помазанниками Духом Святым на это служение, прямо скажем. Катехизация — личная харизма, но харизматиков в жизни немного (да к тому же человек может быть сначала харизматиком, потом не харизматиком; правда, иногда и наоборот). Я не думаю, что нам с вами это надо доказывать: харизматиков мало. Мало тех людей, которые служат независимо от внешних условий, только по велению совести и сердца — и все! Ты его разрежь на куски, ты его хоть по миру пусти, заведи у него всю ответственность, отвори его от работы, от семьи — от чего угодно, все равно он будет делать то, к чему призван. Таких людей не много. Даже людей, которые просто достаточно обучены катехизации, и то еще мало.

Наверное, эти личные измерения и братское измерение — две доминанты на оглашении. В

миссии же проще. Миссия — это свидетельство. С одной стороны, прав тот, кто сегодня говорил, что не все могут миссионерствовать, не все могут свидетельствовать, а с другой стороны, это неправильно, потому что Евангелие говорит всем: идите, проповедуйте, идите, свидетельствуйте. Другое дело, как участвовать в миссии? Ловить человек или ловить рыбу для ловцов человек, употребляя известное вам выражение святого Макария Алтайского, замечательного миссионера. У нас пока это плохо получается. Если человек не считает себя катехизатором и если он не миссионер, т.е. человек не ловит, то обычно он считает себя свободным от этого, ищет себе другие служения. Он совсем не думает, что тогда ему нужно «ловить рыбу для ловцов человек». Но все-таки я бы попросил всех задуматься еще раз над словами Евангелия, потому что они действительно обращены ко всем: «Идите и свидетельствуйте до края земли». И никому исключений никаких Господом здесь не сделано. Молодой ты или старый, мужчина ты или женщина, умный ты или глупый, образованный или не образованный, богатый или бедный, занятый ты человек с многочисленными детьми и женой — кто бы ты ни был, это не важно. Никому не сделано исключения, ни одному человеку. Поэтому каждый должен себя спросить, а что он отвечает Господу в этом случае? Он не может взять и перевести стрелки на соседа или еще на кого-то, мол, у него получается, пусть он и делает. Вот это — проблема! То, что у членов братства еще есть небольшая, но какой-то импульс катехизировать или поддерживать катехизацию, увы, не означает, что этот же импульс распространяется и на миссию, на миссионерство.

Правда, все-таки оглашаемые приходят тысячами — до сих пор приходят, хотя общество переживает кризис отношения к церкви, к христианству, и особо к православию. Нам легче было бы быть католиками, если бы мы хотели бы больших результатов, или даже протестантами. Хотя и тем и другим здорово досталось в последние годы, но именно к православию люди относятся весьма, весьма прохладно. И вы знаете почему. И прекрасно понимаете, как трудно этому противиться, этому сопротивляться. А надо! Трудно? Трудно. Но надо, хотим мы того или не хотим.

И все-таки — люди приходят. Если раньше в самый-самый пик, после тысячелетия Крещения Руси, к нам на оглашение приходила примерно тысяча человек в год, то сейчас приходит где-то человек пятьсот-шестьсот. Это все-таки соизмеримые вещи. Да, это в два раза меньше. Но это при наших мизерных усилиях, при том, что мы, как и прежде, не идем миссионерствовать ни на стадионы, ни на улицы — никуда вообще не идем «специально». Для нас миссия — это часть нашей жизни. И это правильно! Другое дело, что можно сказать и наоборот: жизнь наша — это часть миссии Церкви. Об этом тоже хорошо было бы подумать, если вы уловили разницу, что есть часть чего — миссия или наша с вами жизнь, где тут большая часть, где большее явление, где больше приобщенности к полноте жизни.

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

Фото Бориса Левичко

«Кифа»: Никита Алексеевич, что бы Вы могли сказать об итогах конференции?

Н.А. Струве, директор издательства «УМСА-Press», главный редактор журнала «Вестник РХД», профессор университета Нанттерр, Париж: Очень многое. По разным причинам, к сожалению, я не мог присутствовать на всей конференции — когда я приезжаю в Москву, у меня здесь всегда слишком много разных дел. Но, тем не менее, по тем дням, в которые я мог быть, я считаю, что это одна из самых удачных конференций. Во-первых, по количеству людей, во-вторых, по серьезности обсуждаемых вопросов, по широте всех, кто выступал. Такой широты, такого спектра выступающих до сих пор не было. Вероятно, также это касается и слушателей. Я очень рад, что Дом Русского Зарубежья, «Русский путь», учредителем которого я являюсь, смог предоставить помещение для конференции, которая соединила и церковные круги, и многих представителей нецерковных московских кругов, не обязательно близких к церковным. Я считаю, это большое достижение и, во всяком случае, удача.

«Кифа»: Насколько это вписывается в направление деятельности «Русского зарубежья»?

Н.А. Струве: И эта конференция, и те вопросы, которые обсуждались — и мы это слышали почти во всех докладах — могут решаться именно в свете того богословского, философского опыта, который был выработан русской эмиграцией. Я с самого начала считаю, что Свято-Филаретовский институт, как и все эти миссионерские усилия, все эти обсуждения, которые с каждым годом становятся все шире и шире, на мой взгляд, в каком-то смысле являются продолжателями Русского Студенческого Христианского Движения. В те времена РСХД сосредотачивало в действии лучшее достояние православной части эмиграции.

«Кифа»: Какие Вы видите перспективы у темы диалога?

Н.А. Струве: Отчасти в своем выступлении я указывал, что никогда в диалоге нельзя надеяться на сиюминутные достижения — опять же на опыте эмиграции. Эмиграции почти не с кем было диалогизировать, у нее общества не было. Тем не менее то, что она говорила тогда, более чем 50 лет, 70 лет назад, она говорила как бы не совсем «в пустое пространство», и это теперь дает свои плоды. Создалась такая формула: «Надо сеять». Диалог тоже принадлежит к семенам. Нужно, чтобы действительно была диалогическая задача, ее нужно воспитывать в себе. Каждый в себе ее воспитывает, не так легко с людьми иногда бывает разговаривать, по своей вине большей частью, иногда по вине и других. Вообще культура диалога должна быть, диалог — это целая культура, она утеряна, и она утерявается, с другой стороны. Интернет иногда позволяет это делать, иногда в других формах, иногда слишком расплывчато, безответственно, но Интернет пока еще не позволяет вести диалог лицом к лицу, а я все-таки верю в диалог лицом к лицу — и в буквальном смысле, и в более общем смысле. Действительно, я думаю именно сейчас в православной церкви да и вообще в России это есть насущнейшая задача.

«Кифа»: Уважаемый о. Альберт, мы рады приветствовать Вас на этой конференции. Мы знаем, что Вы уже не первый раз на конференциях, которые организует Свято-Филаретовский институт. Не могли бы вы поделиться своими общими впечатлениями от этого дня?

Свящ. Альберт Раух, доктор теологии, директор Института Восточных церквей (Регенсбург): Я знаю о. Георгия уже много лет, кажется, 13 лет, с тех пор, когда он еще служил во Владимирском соборе Сретенского монастыря. И всегда вижу, что эта община — особенная: молодые люди, которые имеют веселый дух, и все-таки — церковный дух, церковное чувство. Это мне нравится.

«Кифа»: Каковы, на Ваш взгляд, перспективы диалога церкви и общества в России и в Западной Европе?

Свящ. Альберт Раух: Для нас, католиков, церковь и общество невозможно так разделить. Господь — Спаситель мира, и весь мир принадлежит Богу, общество и церковь. Церковь — это тайна, не только такое особое общество, но это тайна, которую создают люди, для спасения мира. Из-за этого можно сказать, что они отделены, но все-таки внутренне они очень соединены, от Бога, потому что Бог любит мир, и Бог любит всех людей — и иерархов, и мирян, и верующих, и неверующих.

«Кифа»: XX век — это во многом время разных духовных движений. Их много в католической церкви, особенно после II Ватиканского собора, есть и православные примеры таких движений, например, Русское Студенческое Христианское Движение в Европе, Сретенско-Преображенское братство в России. Каково место таких движений в диалоге церкви и общества?

Свящ. Альберт Раух: Это движения прежде всего тех, кто хочет быть настоящими верующими. Они очень хотят всегда, чтобы церковная иерархия их признала, потому что они обыкновенно объединяют мирян и особенно связаны с теми мирянами, которые являются глубоко духовными людьми. Эти движения связаны также с нецерковными людьми. Из-за этого они делают очень хорошее миссионерское дело самой своей жизнью. Это диалог в жизни, богословский диалог и диалог любви.

«Кифа»: Вы делали доклад по богословию о. Сергея Булгакова. Сейчас знание главных его богословских трудов явно недостаточно, некоторые еще не опубликованы на русском языке. Скажем, большая трилогия еще не до конца опубликована и она неизвестна, смею утверждать, даже не прочитана. Есть ли какая-то надежда на то, что это будет усвоено?

Свящ. Альберт Раух: О. Сергей Булгаков — очень глубокий человек, и из-за этого немногие могут читать его, но все-таки это будет, и уже раньше было, особенно во французском мире, а теперь уже и в немецкоязычном мире. На немецком языке будут изданы все книги Булгакова: фрау проф. Барбара Халленслибен (Barbara Hallensleben) издает их во Фрибурге на русском и немецком языке. На итальянском языке эти книги тоже уже начинают издавать. Значит, знание Булгакова распространяется. И пусть, как я сказал, у них нет популярности, это не так важно, важно, что сами руководители церкви и общества поняли глубину мысли русского богословия и русской философии — Соловьева, Флоренского, Булгакова, Бердяева. Интерес растет, всегда будут немногие, но глубокие люди.

«Кифа»: Может быть, Вы скажете несколько слов каких-то пожеланий читателям нашей газеты?

Свящ. Альберт Раух: Вашим читателям желаю, чтобы они не только думали о том, что сегодня в России смутное время, как говорят, — это только одна сторона. Но чтобы они имели некий оптимизм, как делал, например, Булгаков, который постоянно жил очень трудно — во время революции, потом в эмиграции. Но он никогда не терял оптимизм, потому что знал, что Бог любит мир и любит каждого.

Фото Бориса Левичко

начало на страницах 1,3

В докладе еп. Серафима (Сигриста) (Американская православная церковь, Нью-Йорк), прозвучавшем в видеозапи-

Вопрос об исторической ответственности церкви с большой силой прозвучал в докладе проф. А.Б. Зубова. По его

МЫ ПРИЗВАНЫ
В ОБЩЕНИЕ

си, сделанной специально для конференции, говорилось не просто о желательности, а об острой необходимости диалога, ибо мы живем в условиях отсутствия гармонии в отношениях церкви и общества — они представляют собой две изолированные друг от друга, закрытые системы. По мнению докладчика, выход из создавшейся ситуации состоит в том, чтобы христиане преодолели искушение отнестись себя только к пассивным наблюдателям и исполнили свое призвание быть ответственными участниками происходящих событий.

Проф.-свящ. Герхард Подскальский (Франкфурт-на-Майне), один из виднейших современных медиевистов, подверг нелицеприятной критике возрождение теократического идеала в бывших социалистических странах. «Государства, в которых церковь была государственной, исчезли!» — напомнил он. При этом он отметил и положительные тенденции, в частности, признание необходимости повышения образовательного уровня клириков, прозвучавшее из уст патриарха Алексия II на епархиальном собрании Москвы в 2003 г.

мнению, циклы российской истории, очень похожие друг на друга, свидетельствовали пока лишь о том, что на самом деле никакого диалога церкви и общества, церкви и государства не произошло. В результате молчания церкви общество «приходило к свинству» — и перед татаро-монгольским игом, и, начиная с раскола, в течение всего имперского периода. Церковь не выступила ни против крепостного права, ни против абсолютизма — более того, поддерживала практику лишения крестьян возможности образования, сама являлась владельцем монастырских крепостных, чье положение зачастую было хуже, чем у светских крепостников. В этом контексте вновь встает вопрос: как призывать общество к покаянию, когда сама институциональная церковь не кается?

Народный артист России С.Ю. Юрский в своем докладе привел множество примеров из современной мировой культурной, политической, общественной жизни, свидетельствующих об одном: никакого диалога нет, люди просто не верят, что можно с кем-то разговари-

Фото Бориса Левичко

вать. Так, в частности он отметил то обстоятельство, что в современной драматургии отсутствуют высказывания, все сведено к склеивающему в причудливую мозаику цитированию. Диалог, по мнению Юрского, ушел из искусства, политики и вообще из жизни общества. Господствует, с одной стороны, реклама, с другой — вызванные ею впечатления, требующие оплаты, и порожденный их синтезом всеобщий карнавал.

Завершавший пленарное заседание круглый стол «Мы призваны в общение» начался с видеозаписи интервью С.С. Аверинцева. «Свершается церковь, когда в глаза мы друг другу глядим» — процитировал он Вячеслава Иванова, говоря о том, что пишет не для себя, а для конкретных людей, не ушедших в себя и не закрывшихся для общения. В ходе живого разговора, посвященного опыту С.С. Аверинцева, выступили почти все участники круглого стола — протопр. Виталий Боровой, священник Георгий Кочетков, священник Иоанн Привалов, Жорж Нива, О.А. Седакова, Н.А. Струве, С.Ю. Юрский. Так, О.А. Седакова охарактеризовала позицию Сергея Сергеевича как сложное сочетание признания своего несовершенства наряду с признанием непреложности тех вещей, о которых он высказывается. Священник Георгий Кочетков рассказал о том, как в день путча в 1991-м году члены Сретенско-Преображенского братства, собравшиеся в честь праздника Преображения Господня на очередную встречу во Владимирском соборе бывшего Сретенского монастыря, шли под дождем по Большой Лубянке крестным ходом. Впереди шел С.С. Аверинцев с Библией в руках — «как с мечом духовным, который есть слово Божие». «Это был и диалог церкви и общества, и противостояние злу. В мистических сферах что-то меняется в зависимости от того, что совершается в историческом времени. У меня была полная уверенность, что путч будет победен», — сказал о. Георгий. В центре выступления о. Виталия Борового стояло свидетельство о необходимости канонизации Аверинцева как христианского апологета, в том числе и для того, чтобы привести в соответствие с требованиями жизни ныне как-то обюрократившийся процесс канонизации. Закончился первый день работы конференции пением вечной памяти С.С. Аверинцеву.

Второй день конференции, начавшийся с семинара по проблемам церковного права, продолжился работой трех секций, посвященных историческому, социально-политическому и культурному аспекту темы церковно-общественного диалога.

На вечер памяти академика Сергея Аверинцева, закончившем этот день, своими воспоминаниями о встречах с ним поделились профессор-священник из Чехии Ян Лашек, профессор-славист из Женевы Жорж Нива, профессор из Рима Джозефина Адзарро, поэт Ольга Седакова, профессор Литературного института им. Горького Мариэтта Чудакова, преподаватель СФИ Александр Копировский.

Европейские ученые говорили о значении творчества и самой личности Аверинцева для европейской культуры. Джозефина Адзарро, работавшая с Аверинцевым с 1994 г. над совместным проектом, посвященном русско-итальянским культурным связям, считает его «настоящим, великим, уникальным христианином, который был не только великим интеллектуалом, но ум его был вдохновлен Духом Святым». Для итальянского профессора Аверинцев являет «объединение Европы». Она вспомнила о двух выступлениях русского ученого перед высокой итальянской публикой: в 2001 году при получении в Турине премии «Культурный универсум» и в 2002 году перед палатой депутатов итальянского парламента. Дж. Адзарро поразило, что в обоих случаях он говорил о европейской духовности и о молитвах святых, которые соединяют Европу. Она отметила особый дар Аверинцева — исключительную смиренность, а также его богословскую смелость. Извинившись перед Натальей Аверинцевой, Дж. Адзарро рассказала о том, что европейская публика всегда обращала внимание на особые отношения Аверинцева с женой: ничего не демонстрируя, он являл пример уважения и деликатности.

Профессор Жорж Нива вспоминал о том, как в начале 80-х гг. в своей французской «деревушке» он познакомил местного католического священника с Аверинцевым, представив последнего как «советского библеиста». Каково же было изумление поначалу скептически настроенного священнослужителя, когда оказалось, что его новый знакомый не только сразу узнал на картине изображение св. Франциска Сальского, но и помнит наизусть «километры» его текстов на латыни и на французском языке. «Все советские библеисты такие?» — спрашивал пораженный священник. «Тайна личности Аверинцева в том, — считает Жорж Нива, — что он соединял великую ученость и эрудицию со светлостью, наивностью, и он всегда, во всех обстоятельствах был один и тот же». Профессор до сих пор не может понять, как такой человек мог выйти «из недр советской науки, советского университета». Особой заслугой Аверинцева Жорж Нива считает то, что русский ученый показал Европе «живой лик православия».

Профессор Ян Лашек рассказал, как книги русских библеистов — Аверинцева и о. Александра Меня — помогли преодолеть «культурную травму»: в Чехии, где начиная с ввода советских войск в 1968 году, появилось резко негативное отношение к русской культуре. Книга Аверинцева «От берегов Босфора до берегов Евфрата», его статьи в «Философской энциклопедии» стали «шоком» для чешской академической науки и позволили посмотреть на Россию «другими глазами», вспоминал Ян Лашек.

Мариэтта Чудакова говорила о том, какой ценой удавалось Аверинцеву «пробивать», отстаивать свои тексты в «схватках» с партийными чиновниками от науки. «Он был книжником и рыцарем одновременно», — считает литературовед, много лет сотрудничавшая с Аверинцевым. Она убеждена, что именно в этой «кровавой борьбе» здоровье ученого было «трагически подорвано еще в молодости». Аверинцев никогда не был диссидентом, вспоминала М. Чудакова, но его стремление к истине, его «научная правда» выглядела как «самое высшее диссидентство», что и сделало его кумиром советской интеллигенции.

Наталья Аверинцева поблагодарила всех участников вечера и отметила, что ее муж очень любил Сретенско-Преображенское братство и всегда отказывался от любых приглашений в пользу лекций и конференций СФИ.

Наверное, самым главным результатом того живого общения, которым были наполнены три дня конференции, можно считать слова надежды, звучавшие в последний день ее работы из уст самых разных людей — как известных представителей научной, культурной, общественной элиты, так и простых москвичей, прежде всего членов того церковного движения, в среде которого возник отметивший в прошлом году свое 15-летие Свято-Филаретовский институт.

Некоторые из тех интервью, что размещены в этом номере, особенно те из них, что взяты не в первый, а в последний день, мы надеемся, позволят нашим читателям услышать и эту радость, и эту надежду.

Фото Максима Чучалина

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

«Кифа»: Ваша деятельность предполагает диалог — диалог культур. Наверное, в связи с этим тема конференции представляет для Вас особый интерес?

Жорж Нива, профессор Женевского университета, академик Европейской академии: Я думаю, что это по-просту первый по значению вопрос для нас всех. Конечно, когда речь идет о культурах, конечно, когда речь идет о нашем мире, где столько передвижений, и общения — и электронного, и не электронного — и, конечно, когда речь идет о религиях в их сумме и о христианстве в особенности, диалог с обществом, с культурами абсолютно необходим, и очень интересно, что здесь будет сказано, именно потому, что замкнутое христианство — это просто парадокс, это не может существовать. С самого начала это была открытая, экспансивная динамика веры. Но всегда, на каждом этапе, не только сегодня, возникает опасность, что какие-то члены церкви, участники нашего христианского сообщества, захотят замкнуть его, как будто мы должны спасти корабль или кораблик от бушующего вокруг моря индифферентизма или еще хуже — от агрессивности.

«Кифа»: Вы ведь не в первый раз общаетесь с тем движением, которое, собственно говоря, сейчас эту конференцию организует со стороны церкви. Этот опыт общения с нашим братством, который был у Вас в разных городах России, дает ли Вам какую-то надежду на то, что тот разговор, который здесь состоится, принесет реальные плоды?

Жорж Нива: Я, конечно, общался и главным образом в Архангельске и в Питере. И мне это, во-первых, очень по душе, потом это меня удивило — возникновение таких структур верующих людей, которые пытаются внедриться в общество, а не только довольствоваться литургической жизнью церкви, что тоже нужно, конечно. Я вижу в этом большую надежду на будущее. Какой шанс, что это распространится на все православие — не знаю, я думаю, что мы так не рассуждаем о христианстве. Мы рассуждаем просто в категориях надежды.

«Кифа»: Каковы Ваши ожидания от этой конференции?

Жорж Нива: В начале XX века в Петербурге, в Москве и в Киеве были философско-религиозные общества. Я читал много протоколов этих заседаний. Это было чрезвычайно интересно, но в общем-то это была неудача в том смысле, что интеллигенция осталась с одной стороны и церковь — с другой стороны. Мне кажется, что теперь, после огромного переживания интеллигенции, и церкви, и страны, и мира в XX веке, шанс, чтобы состоялся диалог — больше и реальной.

«Кифа»: Конференция завершилась. Каковы Ваши впечатления от того, как она прошла? Согласны ли Вы с тем общим ощущением, что это был более заметный успех, чем в прошлый раз?

Проф.-священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института: Пока рано говорить о полных итогах, потому что успех зависит от плодов. Об успехе конференции можно говорить только тогда, когда пройдет, по меньшей мере, год, когда можно будет увидеть, к чему это привело.

Мы, конечно, очень надеемся на успех. У нас есть все основания рассчитывать на это. Можно сказать, что по количеству участников, по количеству новых лиц, по многообразию, по количеству направлений исследований, по диалогичности, которая как раз и связана с этим многообразием, эта конференция беспрецедентна. Все-таки в ней приняло участие только зарегистрировавшихся 850 человек из 14 стран, из 52 городов, а если по епархиям РПЦ — то из 21 епархии, может быть, не только из России. Я думаю, что и то, как шли наши встречи — это тоже беспрецедентно, потому что были, естественно, разные мнения, но нигде не было каких-то тупиковых или каких-то априори бесплодных ситуаций. Вот что мне представляется очень важным. Не было ничего из того, что всегда омрачает наше существование, не только духа какой-то корысти или какой-то хитрости, но вообще ничего подобного не было.

Мы обошлись самыми минимальными средствами, и это чудо. Конечно, очень помог фонд «Русское Зарубежье», без этой помощи мы не могли бы так провести конференцию. И то, что она проходила не только в новом для нас помещении, но вообще в помещении самом по себе новом, даже это, наверное, символично.

Сейчас, когда все уже разъезжались, Никита Алексеевич Струве приговаривал: «Это, кажется, большой успех!» Для него такая оценка — это, надо сказать, тоже вещь беспрецедентная. Ведь всем известно, что Никита Алексеевич большой скептик и вообще большой шутник. Он не будет церемониться, если ему хоть что-нибудь, хоть косвенно не понравится.

«Кифа»: Каких результатов — тех плодов, о которых Вы говорили — Вы ждете от этого года? Что требуется от нас, членов братства, чтобы эти плоды действительно были?

Священник Георгий Кочетков: Как всегда, нужно идти дальше. Потому что если что-то хорошо сделано, то надо на этом базироваться уже как на готовом результате, как на ступеньке для будущего движения вперед и вверх. И если мы будем иметь больше сил для того, чтобы решать более трудные задачи, если мы будем готовы более конкретно проводить в жизнь то, о чем мы здесь говорили, то это и будет необходимым плодом.

«Кифа»: Как Вам кажется, какой возможен общественный резонанс от этой конференции? Все-таки пока мы видим реакцию более внутрицерковную, причем связанную именно с людьми из круга нашего движения.

Священник Георгий Кочетков: Нет, как раз ценно именно то, что примерно 250 человек из участников конференции никакого отношения к нашему братству, и содружеству, и институту не имеют. Это тоже беспрецедентно.

Общественный же резонанс — это дело сложное. Для этого нужно или иметь какие-то особые выходы на СМИ (чего у нас, увы, нет до сих пор, но это не только от нас зависит), или иметь очень большие деньги — этого тоже у нас нет, и это тоже не только от нас зависит. Поэтому на какой-то особый пропагандистский резонанс я не рассчитываю совсем. Но мне кажется, что все-таки это не самое главное. Я верю в то, что если такое количество народа понесет в себе нечто новое, новый потенциал, то будут и новые дела. Это и будет общественным резонансом. Конечно, если бы у нас потом была возможность еще и обо всем этом рассказывать где-то в газетах, в журналах, на телевидении, по радио, на каких-то компетентных собраниях и т.д., это тоже было бы полезно.

СЕРАФИМ И СЕРАФИМА

Первой игуменьей возвращенного церкви десять лет назад Новодевичьего монастыря была внучка новомученика

10 августа 2004 года Московский Новодевичий монастырь отмечал десятилетний юбилей возрождения монашеской жизни в обители. На празднике вспоминали добрым словом и первую настоятельницу возрожденного монастыря игуменью Серафиму (Черную-Чичагову).

Матушка Серафима (в миру Варвара Васильевна Черная) прожила 85 лет и за это время успела сделать так много, что этих дел хватило бы на несколько более спокойных жизней.

Ее жизнь, на первый взгляд, состоит из трудносоединимых по характеру деятельности периодов. До войны 1941—45 г.г. Варвара Васильевна закончила химико-технологический институт и с первых месяцев войны работала заведующей центральной лабораторией на московском заводе "Каучук", налаживая выпуск необходимых фронту деталей, практически заново создавая производство, т.к. основное оборудование было эвакуировано на Урал. В трудные военные годы работники фактически жили на заводе, не уходя домой, дежурили по ночам, во время налетов вражеской авиации боролись с зажигательными бомбами.

После войны — научная работа в НИИ резиновой промышленности, защита диссертации, а с 1953 года — руководство лабораторией, латексным отделом, а затем работа на посту зам. директора по научной работе НИИ резиновых и латексных изделий. В этот период ярко проявилась многочисленная способность Варвары Васильевны: наряду с научной интуицией — умение спланировать работу большого коллектива, умение осваивать научные разработки в промышленности. С ее именем связано становление и создание целых отраслей (например, таких, как выпуск шаров-пилотов для зондирования атмосферы, различных видов защитных средств и т.д.), а наиболее известными стали разработки для космической техники, за которые авторы были награждены Государственной премией. Она стала доктором наук, профессором. Хороший организатор, требовательный руководитель, Варвара Васильевна была в то же время живым, открытым, интересным, привлекательным человеком, вокруг нее всегда было много учеников и друзей.

Когда, уйдя на пенсию в 73 года, Варвара Васильевна пошла работать за свечной ящик в московский храм Илии Обыденного, для многих бывших ее сотрудников это было совершенно непонятно и неожиданно. Между тем, некоторые особенности ее жизни могли бы внимательному наблюдателю многое сказать. Хотя ее карьера была успешной,

она никогда не состояла в коммунистической партии. (Вспоминая потом свою жизнь, Варвара Васильевна говорила: «Господь был милостив ко мне и позволил избежать членства в безбожной партии»). Жила достаточно скромно, иногда ее даже подозревали в некоторой скупости. А она отдавала большую часть зарабатываемых денег монастырю, где была похоронена ее мама, помогала воспитывать внучатых племянниц. При советской власти видному номенклатурному работнику нельзя было открыто исповедовать христианскую веру, но дела любви и милосердия можно было делать тайно.

Работая за ящиком в храме Илии Обыденного, Варвара Васильевна постоянно общалась с приходскими в храм людьми. Миссионерская деятельность ее проявлялась и в организации на своей квартире регулярных встреч группы интеллигенции, в которую входили как верующие церковные, так и не нашедшие еще своего пути к Богу люди. В своей прощальной речи при отпевании матушки Серафимы владыка Ювеналий особо отметил это, подчеркнув важность обращения к Богу интеллигенции.

Варвара Васильевна Черная была родом из известной дворянской фамилии Чичаговых, давших России видных деятелей в различных областях жизни. В ее семье сохранялась память о предках. Дедом ее был священномученик митрополит Серафим (Чичагов), расстрелянный большевиками в Бутове в 1937 году. Владыка Серафим был яркой неординарной личностью: в начале жизни — успешная военная карьера, затем служение на церковном поприще. Он — видный церковный деятель, проповедник, историк, писатель, художник, ученый-медик, музыкант, композитор. В 80-х — начале 90-х годов Варвара Васильевна посвятила много времени архивным изысканиям и собиранию духовного наследия своего деда. Ее трудами был издан двухтомник «Да будет воля Твоя», в котором собраны проповеди, духовные труды, научные работы владыки Серафима, в том числе жизнеописание преп. Серафима Саровского, составленное будущим митрополитом Серафимом и подаренное императором Николаем II, что оказалось исходным пунктом для официальной канонизации святого. Подготовленные к публикации и вышедшие в свет в 2002 году труды по геопатии получили признание специалистов. Изданы были и некоторые отдельные работы владыки Серафима, среди которых интересно отметить обращение к духовенству Тверской епархии, в котором владыка Серафим говорит о необходимости возрождения общинности приходской жизни. Говоря об этом, нельзя не вспомнить, что на Соборе 1917-1918 г.г. владыка Серафим возглавлял отдел, занимавшийся рассмотрением церковных реформ в области приходского устройства.

Он был арестован сотрудниками НКВД в ноябре 1937 года, уже живя на покое, будучи большим 82-летним стариком, не признал ни одного из предъявленных ему обвинений и в декабре был расстрелян. Варвара Васильевна входила в группу подвижников, разыскавших архивные документы о местах массовых расстрелов и захоронения духовенства в годы коммунистического террора. Ей удалось найти место захоронения деда и получить необходимые документы для его реабилитации и прославления, которое состоялось 11 декабря 1997 года на Божественной литургии в храме Христа Спасителя. Митрополит Серафим (Чичагов) был первым прославленным Русской православной церковью священномучеником XX-го века. На полигоне в Бутове, на месте, где были расстреляны сотни священнослужителей, был построен храм, в возведении которого принимала деятельное участие и игуменья Серафима — именно с этим именем Варвара Васильевна

Черная стала первой монахиней, постриженной митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием в Новодевичьем монастыре. В день пострига митрополит Ювеналий вспомнил в своем слове, что с этим именем — именем Серафима Саровского — многое было связано в роду Чичаговых, вспомнил и труды митрополита Серафима по подготовке канонизации преподобного. Через месяц матушка Серафима была назначена игуменьей обители.

Тогда, в самом начале, монастырю принадлежал только храм Успения Божией Матери, все остальные помещения и строения монастыря принадлежали музею, не было даже келий для проживания монахинь. Первые насельницы жили в помещении второго этажа храма, где не было отопления и стены промерзали зимой. Постепенно строения обители передавались музеем монастырю. Была реставрирована и восстановлена для богослужения переданная церкви часть храма свт. Амвросия Медиоланского, где в день его памяти совершаются богослужения (это единственный в России храм, освященный в память этого святого, общего для Западной и Восточной церкви). Были восстановлены кельи в певческом корпусе. Монашеская община выросла за пять лет до 30 человек. Налаживалась богослужебная и хозяйственная жизнь в подворах монастыря под Москвой. При Успенском храме появилась воскресная школа. Не погружаясь в одну лишь хозяйственную деятельность (как, увы, часто бывает!), игуменья Серафима уделяла большое внимание духовной и культурной жизни обители: в 1995 году была организована конференция «Новодевичий монастырь в русской культуре», в 1997 году монастырь совместно с ГИМ организовал конференцию, посвященную свт. Амвросию Медиоланскому. Проводились вечера духовной музыки, монастырь принимал участие в фестивалях дьяконского искусства, выставках, ярмарках.

Достоинство уважения и примера было умение игуменьи Серафимы находить взаимопонимание и налаживать взаимодействие монастыря с представителями городских властей и музея, который до сих пор продолжает функционировать на территории обители. Этот пример показывает, что при доброй воле культура и церковь не являются антагонистами, как это бывает иной раз; музейные работники и монастырь нашли разумные компромиссы и жили мирно. В этом сказало всегда жившее в матушке Серафиме стремление воцерковить интеллигенцию, воцерковлять жизнь, не отгораживаясь монастырской стеной от насущных проблем современности.

Игуменья Серафима скончалась в декабре 1999 года. Митрополит Ювеналий, служивший панихиду в Успенском храме монастыря, перед началом богослужения зачитал письмо патриарха Алексия II, посвященное памяти игуменьи Серафимы, а потом сказал прочувствованное слово над гробом усопшей. Похоронили матушку Серафиму у стен Успенского храма. Так была восстановлена древняя традиция Российской православной церкви — местом последнего упокоения настоятельницы монастыря стала обитель, где она несла свое служение.

На панихиде в Успенском храме Новодевичьего монастыря в день ее похорон собрались люди, знавшие ее по совместной научной и организаторской работе в разные годы ее жизни, молившиеся с ней в храме Илии Обыденного, собиравшиеся у нее на квартире для встреч в поисках духовного пути, направлявшие и благословлявшие ее на монашеский подвиг, возрождавшие вместе с ней обитель. Большой Успенский храм был полон народом. С того дня ежегодно в день рождения матушки Серафимы 12 августа на ее могиле совершается лития.

Марина СИЛОНОВА

Что значит возродить приходскую жизнь? Когда говорят, что приходская жизнь упала, распалась, приход бездействует, — это значит, что и причт и прихожане потеряли между собою связь, единение, исчезла христианская жизнь, взаимопомощь, христианское дело... По моему убеждению, необходимо было все реформы начать с возрождения приходов, ибо, пока народная и общественная нравственность не улучшится и жизнь наша не будет согласована с верою, никакие свободы, новые узаконения и реформы не приведут к ожидаемому результату и благополучию. Без улучшения нравственности не могут кончиться испытания, ниспосланные Господом, и не начнется возрождение духовное. Духовное же возрождение России возможно только тем путем, каким совершилось ее духовное рождение.

Если все христиане — братья по заповеди Христовой, то между ними должно быть полное единение духа, согласие, мир и братская любовь. Находятся ли братья и сестры в нужде или горе, или в отчаянии, каждый обязан прийти к ним на помощь, утешить их, поддержать. Но члены общины, каждый в отдельности, сделать этого не могут: не достанет ни времени, ни сил. Целая же община, приход, при помощи совета разделив между собою обязанности и заботы, всегда достигнет святой цели... Наблюдаемые ныне упадок религии, семейные нестроения, неповиновение, непослушание — все это зло происходит и проникает потому, что люди живут разобщенно, действуют в одиночку и борются с недугами одними только своими силами. Без помощи самые сильные из них обессиливают в борьбе со злом.

Равнодушие, отсутствие ревности по вере — вот что более всего страшит! Беда, если не прозревают будущего, не отдают себе должного отчета в происходящем и мало интересуются упадком религии, как будто это не опасно! Поэтому как в 1905 году, так и теперь я настаиваю, что единственное средство к вразумлению, это возрождение приходской жизни. Оно необходимо, неотложно!

Митрополит Серафим (Чичагов)
Из брошюры
«О возрождении приходской жизни»

ХРИСТИАНСТВО В СВОЕМ ОСНОВНОМ ПОСЫЛЕ – ЭТО НАСТРОЕНИЕ БУДУЩЕГО

Интервью О.А. Седаковой

Татьяна Головина (видеостудия Свято-Филаретовского института): Ольга Александровна, как Вы думаете, что церковь должна дать обществу, в чем должен быть тот шаг, который необходимо сделать?

О.А. Седакова: Вы знаете, я с самого начала на саму формулировку – «диалог церкви и общества» – смотрела как-то с сомнением, потому что два эти понятия – церковь и общество – очень размытые: какое общество и какая церковь? Когда речь идет о таких двух единицах – мутных, огромных, необъединяемых – это трудно сказать. Проще для меня было бы ответить: что может дать верующий человек, который себя ощущает церковным, или группа таких верующих людей, опять же не всему обществу (что такое общество, мы мало себе представляем) а тем, с кем его жизнь сводит? Я думаю, примерно то же, что всегда, что говорится в простой молитве Франциска – чтобы там, где сомнения, я нес уверенность; там, где тоска, я нес радость – нес то, что в эту унылую замкнутую жизнь современного человека вносит какую-то открытость и надежду на что-то еще.

Татьяна Головина: Я, в частности, имела в виду известное противопоставление культуры, людей, которые принадлежат сферам литературы, искусства, и – церковью, клиром, мирянами, может быть. У Сергея Сергеевича Аверинцева была статья об искусстве кино. Он говорил о том, что церкви, представителям церкви, как иерархии, так и мирянам, люди культуры, поэты, может быть, художники, писатели представляются не то чтобы греховными, но ходящими по грани...

О.А. Седакова: Это исключительно местное настроение. Вероятно, в западном христианстве тоже было такое настроение, но все это очень давно прошло, а у нас так и держится. Конечно, сомнителен их духовный статус – творчества, искусства и даже, может быть, это усиливается теперь в связи с некой реставрацией, попытками стилизованного православия... А если говорить всерьез, то, мне кажется, я об этом писала: с тех пор, как разошлись пути свободного творчества и церкви, получилось, что истории отвечало только свободное творчество. Все эти столетия церковь главным образом себя чувствовала как хранилище, она должна была от всех движений, всех мятежей хранить свое богатство. Она ничего не развивала, и все новые формы рождались в другой области – в светском искусстве, и потом оттуда, часто очень неразборчиво, брались, как например, новые живописные принципы, которые вошли в иконопись, разработав фреску. По крайней мере, какая-то разборчивость должна была быть тогда, а не потом.

Теперь, мне кажется, положение меняется, потому что ветка культуры, о чем постоянно говорят ее участники, пришла к огромному истощению и тупику, и что она может сейчас дать церкви – трудно сказать. Именно творчество знания, наука – то, что Сергей Сергеевич мог как просветитель выступать, – это нужно церкви. Но современное творчество, актуальное творчество – кому оно нужно? Оно, по моему, и простым-то людям не нужно. Сейчас, может быть, вектор направления действует наоборот. Сейчас именно тот, кто причастен церковному богатству, себя чувствует лучше в светском обществе, ему есть, что сказать. Так что не богатый художник приходит в бедную церковь – сейчас скорее наоборот.

Татьяна Головина: Сергей Сергеевич использует образ блудного сына: культура уподобляется блудному сыну, который отошел от церкви в Новое время, и сейчас, может быть, пришло осознание, что богатство действительно расточили, а церковь, в свою очередь, ведет себя как старший брат, который вроде бы и рад принять своего брата, но в то же время – как так, а я как же? Что можно сделать, чтобы церковь не чувствовала себя старшим братом, а действительно была готова к диалогу и что-то свое могла предлагать, именно творческие вещи?

О.А. Седакова: Я не знаю. Это опять же слишком абстрактный разговор. Кто будет предлагать – какой-то конкретный епископ, митрополит? Церковь как хранилище предания, как хранилище всех этих сокровищ – это другое дело совсем, это не люди, которые будут организовывать что-то со стороны церкви. Иногда эти контакты с культурой – упаси Боже, я такое видела, и так получается, хотя и с лучшими намерениями... В той же Вене кардинал Шонбурн – замечательный богослов, человек культуры, очень напоминающий мне, между прочим, на-

торый говорил, что в Кодексе Юстиниана дышал Святой Дух – первая любовь – который чтит право. Вот Анна Ильинична Шмаина-Великанова против права выступала, а Данте видел в нем божественные основания... Как раз из-за того, что я занялась Данте, я поняла, как это он, один из самых дальновидных поэтов Европы, так любит право. Для него право – это то же, что космология, это вписано в космос и в строй поэзии. Поэтому у меня очень острый интерес к правовым вопросам, уважение к этой области. Мне кажется, эта область более разработана, чем, допустим, разговоры о морали...

Александр Буров: Были ли какие-то вещи, которые Вас вдохновили или на этом семинаре, или в целом на конференции?

О.А. Седакова: Меня всегда вдохновляет и надолго оставляет какое-то утешение, ободрение просто вид собравшихся людей, сама эта обстановка, где люди так открыты, предупредительны, учтивы, любят друг друга. Этого уже не увидишь. Вот это вдохновляет больше всего, больше, чем обсуждаемые темы.

Фото Бориса Левитского

шего Сергея Сергеевича. И как раз одна из его задач – соединить церковную жизнь с современным искусством. И что получается? Все жители Вены и все художники говорят, что к нему присоединяются самые убогие ремесленники, которые всегда готовы присоединиться к чему-то как к идеологии – для них это удобно. Так что ничего организационного, во всяком случае, не должно быть, из этого ничего хорошего не выйдет. У нас тоже есть православное кино, православная поэзия – я в ужасе...

Александр Буров (газета «Кифа»): Я неожиданно для себя увидел Вас сегодня на семинаре, посвященном канонике, праву и т.д. Вы явно слушали и наблюдали за всем с большим интересом. В чем был Ваш интерес?

О.А. Седакова: Во-первых, я это очень мало знаю. Я бы сказала, для меня это гораздо интереснее, чем проблемы этики, допустим, которые более ли менее говорят об одном и том же, и мало информативны для меня. Так что это чисто познавательный интерес. С другой стороны, это для меня на самом деле интересно. И научил меня интересоваться этим Данте, величайший поэт справедливости, юстиции, ко-

Александр Буров: То есть есть еще какие-то резервы работы над глубиной тем?

О.А. Седакова: Я говорю это не в том смысле, что я хотела бы критиковать темы или выступления. Просто для меня важнее увидеть это, это я вижу реже. А содержательные лекции я могу и в университете услышать.

Александр Буров: Как Вы думаете, у этого есть будущее – у этого собрания, у этой атмосферы?

О.А. Седакова: Вы знаете, скажу совершенно честно и не комплиментарно: в последние годы, особенно после знакомства с вашим братством, мне кажется, что, может быть, это единственная область надежды в российской жизни – вот это движение. В нем только я и вижу какое-то будущее, какую-то устремленность в будущее, потому что все или топчется на одном месте, или говорит, что конец, упадок, декаданс. Все-таки христианство в своем основном послыле – это настроение будущего: забывая прошлое, устремляясь в будущее. Пожалуй, единственное место, где я это вижу, где это есть, там будет и наполнение. Так что это меня и восхищает, и утешает.

МИР ТЕРЯЕТ СПОСОБНОСТЬ ДОГОВОРИТЬСЯ

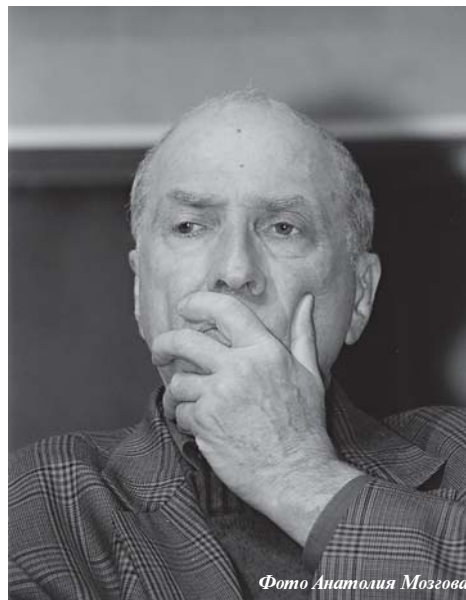

Фото Анатолия Мозгова

«Кифа»: Сейчас закончилась первая часть пленарного заседания. Что бы Вы могли сказать по результатам этого разговора?

Народный артист России С.Ю. Юрский: Я ничего не могу сказать. Я должен говорить во второй части, я думаю и не спешу ни говорить, ни делать выводы. То, что мы говорим уже не первый раз все на одну и ту же тему – о необходимости диалога – показывает, что с диалогом дело обстоит плохо, и в разных аспектах в первой части нам были представлены зарубежные и наши проблемы. Они оказались очень разными, невероятно разными. Я сейчас, пожалуй, даже не могу вместить то противоречие, о котором мне придется говорить, если я рискну говорить, потому что этот диалог показывает, что мы, по-моему, становимся все дальше и дальше, потому что у нас разные проблемы. Беды похожие, а подход к ним и способы решения, видимо, должны быть разными. Надо ли об этом говорить? Ну вот, мы это и делаем, но это же очень узкое пространство. Мне кажется, что проблема диалога, вернее, его отсутствия, стоит в масштабе всего мира, который теряет способность договориться. И первая часть нашего разговора как раз является фундаментом для выхода на проблемы уже не местного значения, будь то французские или русские, а проблемы всего сегодняшнего дня, включая проблему Ирака, Чечни, Афганистана, Соединенных Штатов, Востока. Диалог потребен вроде бы всем и не осуществляется никак. Ничего не получается.

«Кифа»: Иногда случается, что какие-то значительные духовные вещи происходят благодаря усилиям небольшого количества людей, иногда, как говорил Сергей Сергеевич Аверинцев, усилиями героических одиночек. Есть ли у Вас в связи с этим какая-то надежда на то, что искренние усилия, направленные на то, чтобы чего-то добиться здесь, принесут результат?

С.Ю. Юрский: Интеллектуально – есть, чувственно – нету. Я понимаю, что они должны быть, но моя интуиция, мои чувства, сердечность моя – в отчаянии.

«Кифа»: А что должно быть, что еще должно добавиться, на Ваш взгляд, для того, чтобы надежда была более интуитивно определенной?

С.Ю. Юрский: Я скажу, может быть, общую фразу: обуздать себя.

«Кифа»: Это значит, необходимы аскетические усилия в масштабах всего общества?

С.Ю. Юрский: По крайней мере в личных. Общество бессмысленно призывать. Сколько угодно можно говорить об этом во всех СМИ. Будет результат от этого? Я убеждаюсь, что не будет.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ «МОГИКАН»

Воспоминания А.М. Копировского, преподавателя церковной археологии, об архимандрите Таврионе (Батозском)

— Александр Михайлович, когда Вы впервые увидели о. Тавриона, и что Вы почувствовали, увидев его? Ведь он был, по отзывам многих, кто его хорошо знал, человек необыкновенный.

— Первый раз я увидел о. Тавриона в конце ноября 1973 г. Я только-только вернулся из армии, а одна наша сестра, крестившаяся через год после меня, — вторая «ласточка» в нашем Плехановском институте — получила чудесным образом распределение в Ригу. Там в храме ее увидел архиепископ Рижский Леонид (Поляков) и посоветовал ездить в Преображенскую пустынь около Елгавы. Она нам написала восторженное письмо: «Приезжайте, тут такое!» и я приехал сразу же после армии — духовно «отмокать», и Господь меня награждал встречей с о. Таврионом.

Мне она написала: «Когда приедешь, нужно подойти к о.Тавриону и благословиться на работу в пустыньке. Тогда он оставит». И вот с этой заготовленной, как пароль, фразой я и приехал. Меня накормили (а там кормили всех: каждого приезжающего сразу усаживали за стол в любое время дня и ночи. Прежде всего ты ешь, а потом с тобой разговаривают), потом повели и говорят: «Вот батюшка идет». Мы встретились на улице недалеко от его дома. Стоял ноябрь, но был уже снег. Он шел навстречу, немножко сгорбленный, да, чуть-чуть сутулый, с длинной белой бородой. Я не могу сказать, что увидел ослепительно духовноослепленный лик, прозорливые очи, особые жесты. Но наша с ним беседа имела неожиданное для меня продолжение. Беседа была очень короткая. Я произнес пароль: «Вот, я готов поработать, батюшка, благословите». И он мне на это ответил: «Хорошо, хорошо. Я тебе дам шкафы свинчивать. У меня есть шкафы, и ты будешь их свинчивать». Я успокоился: все, работа есть, меня оставляют.

Поселил он меня в отдельную келью. Там было три кровати, но я жил один. Позже я узнал, что это была келья для приезжавших священников. Я не хочу этим ничего сказать о себе, но просто очень заботился о молодежи. Он старался молодежь не посылать ночевать со всеми на чердак, где было много разных людей. У него, видимо, было задание от архиепископа Леонида «готовить кадры», и он с удовольствием и хорошими результатами это делал. А с этими шкафами получилось интересно. На следующий день после литургии я опять подошел к нему и говорю: «Отец Таврион, я готов работать». Он мне отвечает: «Да, да. Будешь у меня шкафы свинчивать». Две недели он мне про эти шкафы говорил, но, так ничего и не дал.

— Но причащал каждый день?

— Каждый день, и я просто приходил в себя. Чистил снег, уголь возил на тачке, ящики посыльные разбивал. Занимался простыми и легкими работами. Я-то думал, что меня приставят к серьезной работе на восемь часов, и я там буду трудиться в поте

лица. Ничего подобного.

— Остальной народ работал?

— Работал, но тоже, конечно, не по восемь часов. Так вот, регулярной работы он мне не дал, и это вполне можно приписать его прозорливости. Поставь он меня на эти шкафы — я, наверное, скис бы на второй день.

А впечатление от него самого: веселый. Не хохотун, не шутник, хотя посмеяться любил. Веселый, радостный, сияющий. Конечно, я сразу отметил его украинский акцент.

— Речь у него гладкая была?

— Он говорил очень хорошо и свободно. «Э... Ме... Бе...» — ничего этого у него не было никогда. Всегда четкое, ясное и, в хорошем смысле, «круглое» слово. При всей простонародной окраске его речи, он не был «простым» человеком. У него никогда не было примитивизма. Мне рассказывала сестра, которая нас на него вывела, про одну беседу с ним. Жалуется она ему, что ей на работе трудно, скучно, — а она кибернетик, и что-то влетает про свою

Когда к владыке Леониду приехал один митрополит, владыка позвонил о. Тавриону и сказал: «Мы к тебе приедем служить». О. Таврион прикинул ситуацию: шум, суета, лишние люди, и говорит: «Нет, я вам лучше денег дам, вы в городе погуляйте». И не принял их! А владыка не обиделся. Он очень любил о. Тавриона...

кибернетику. Он выслушал все до конца, а потом говорит: «Деточка, система не та». Он все понимал прекрасно. Ему не надо было ничего переводить и разжевывать.

— Какие у него были руки, жесты — не помните?

— Нет, руки не помню. Жесты были. Но не яркие, нет. Говорил спокойно и свободно. Внутренне он был очень свободен. Не лез за словом в карман.

— Между вами был какой-нибудь особенный и подробный разговор?

— У нас много было разговоров. Но я имел глупость ничего не записывать. Наверное, казалось, что это будет длиться вечно. Но слишком серьезных, судьбоносных разговоров не было. Да он их, насколько я понимаю, и не любил. Он просто любил общаться. С молодыми людьми поговорить, как они живут, чем интересуются. Это ему было интересно. Реагировал на все очень живо. Как-то я привез ему открытку на религиозные сюжеты, итальянского Возрождения. Все вполне благопристойно. Но

одна открытка с репродукцией картины Тинторетто «Рождество Иоанна Крестителя» была ну... не очень благопристойная. В том смысле, что дамы там изображены в очень динамичных позах и с роскошными декольте. Он посмотрел и... засмеялся совершенно непередаваемо. Он такое сделал лицо... Все это при том, что живопись он знал. Он же сам был художником. Впрочем, у меня с ним был один серьезный разговор. Он ведь всех призывал к причастию каждый день. И мне вдруг показалось, что он немного давит.

— А народ сопротивлялся?

— Это я стал сопротивляться. Причем не за себя, «не корысти ради». Сам я причащался каждый день, и то, что это «хорошо весьма», чувствовалось даже на каком-то подсознательном уровне. Но как-то я привез двух студенток с истфака МГУ, которые только-только стали воцерковляться. Хорошие, милые, интеллигентные девочки. Мы с о. Георгием решили, что воцерковить их лучше всего в пустыньке. Недельку-две они там поживут, подготовятся и причастятся. И вот с первого же дня мы попали на проповеди о. Тавриона, а он говорил всегда: «Чаший мир стоит. Почему ты не причащаешься? Ты жуткий и страшный грешник, посмотри на себя, кто тебя омоет? Только кровь Христова», и мы стали себя чувствовать очень неудобно. Как же быть и что же делать? Этим девочкам я долго внушал, что не надо так причащаться, нужно подождать, созреть, тем более монахини меня поддерживали: «Ой, как хорошо! Вы так серьезно относитесь, не причащаетесь часто». Я о себе тогда подумал: «Вот, какой я хороший».

— Монахини редко причащались?

— Конечно.

— Они что — его не слушали?

— Не слушали. Может, какие-то исключения были, но редко. Так и мы думали: дождемся конца нашего пребывания в пустыньке, тогда и причастимся. Но через несколько дней стало невмоготу. И я решил-ся на беспрецедентное действие — остановил его после всенощной. Он в это время никогда и ни с кем не говорил. Он уставал, ему было тяжело, и он шел к себе и там что-то писал, занимался и отдыхал. А все разговоры были после литургии. Я подхожу к нему, останавливаю и говорю: «Отец Таврион, мне необходимо с Вами поговорить». Он на меня посмотрел и сказал: «Пойдем». Мы пришли, и я говорю: «Батюшка, Вы в проповедях меня постоянно обличаете, что я не причащаюсь. Я бы и рад, но хоту подготовиться получше. У меня вот эти сестры, их надо подготовить». Он засмеялся: «Деточка! Ну что ты! Я не тебя имею в виду. Я всем говорю». Это было очень смешно, ибо я-то воспринимал его слова только по отношению к себе. И тогда я решил изменить план — ведь монастырь не был огласительным училищем, как у нас сейчас.

На исповеди он говорил: «Не рассказывайте мне ничего. Вы Богу говорите. Вот вы скажите: «Господи! Буди милостив ко мне грешному! Ударьте себя в грудь». Это католический прием, но в данном случае о католиках как-то не вспоминалось. В контексте все было совершенно нормально, просто что-то новое в православной практике исповеди. Он ведь не заменял этой фразой исповедь, а делал ее более эмоциональной. Для многих это было очень хорошо. А «историчкам» я сказал: «Вы в грудь себя бейте, но когда подойдете к нему, за руку его ловите и не давайте себя накрыть епитрахилью, а говорите, что у вас это первая исповедь». Не знаю, может, я все-таки был прав тогда. Человеку первый раз на исповеди нужно что-то сказать. Они его поймали, остановили и что-то сказали. Он не стал от них вырываться, не стал накрывать их во что бы то ни стало. Он их выслушал. Вот такой был результат нашего с ним разговора. А так я старался ему не докучать, каждую проблему с ним не решал. В пустыньке, и это самое главное, все проблемы куда-то отступали, и было ясно, как идти дальше.

— Какие у него были взаимоотношения с монахинями? В воспоминаниях всё немного разное. Одни говорят, что о. Таврион называл их «черными головешками», а другие указывают на хорошие взаимоотношения.

— При мне он их иногда называл «курицами». Так, с некоторым сожалением: «Э, курицы».

— Монахини все пожилые были?

— Нет, были и молодые. Скажем так, сравнительно молодые. Совсем юных я что-то не помню. Так вот одной, уже в возрасте, он говорил с замечательным украинским акцентом: «У, Ахванасия, старая чэрэпаха». Но никогда он не говорил с ними и о них со злобой или с гневом. Скорее с юмором: «Ну, не понимают...»

— А что они не принимали? Ведь они видели, что люди приезжали со всей страны не просто так. Это же было свидетельство...

— Вот это они и не принимали прежде всего. Это им было не нужно. Отчасти их можно понять. До о. Тавриона настоятелем пустыньки был тоже святой человек — архимандрит Косма, но это уже другая святость. При нем в монастыре была невероятная бедность. Народу нет, никого нет. Монахини спят на соломе. И при этом старец благодатный и вполне вписывавшийся в русло традиционной монашеской духовности. Хотя известно по воспоминаниям, что с рабочими, например, он очень был свободен, разрешал им многое, и они в нем души не чаяли и все делали хорошо. Но с монахинями он, видимо, был достаточно строг. А больше людей в пустыньке просто не было. И вдруг все переменялось. Впервые, в смысле богослужения. Для традиционного человека, когда священник переодевается в красное на каждой литургии, два хора сводит в центре храма на Евангелистическом каноне, делает свои вставки в литургию — и довольно-таки длинные, всегда цветы — это все непривычно. Во-вторых, поехали люди...

— Как люди узнавали о пустыньке?

— Слухами земля полнится. Потом, у него было очень много духовных детей в разных местах. Один человек другому скажет...

— А в Москве его священники знали?

— Знали некоторые...

— Отец Всеволод Шпиллер знал?

— Как-то мы не говорили об этом. Вот отец Николай Ведерников знал его и приезжал в пустыньку.

— Рекомендовали ездить к о. Тавриону те священники, которые его знали?

— Мы другим образом на него вышли. Какие-то московские священники у него бывали. Тихонько приезжали и служили. Место было тихое, уполномоченный по делам религий любил деньги, получал свое и не особо вмешивался.

— Какие отношения были у о. Тавриона с архиепископом Рижским Леонидом?

— Совершенно открытые и абсолютные доверительные. Задним числом к нам стали приходить сведения, что он мог, например, сделать следующее. Когда к владыке Леониду приехал один митрополит, владыка позвонил о. Тавриону и сказал: «Мы к тебе приедем служить». О. Таврион прикинул ситуацию: шум, суета, лишние люди, и говорит: «Нет, я вам лучше денег дам, вы в городе погуляйте». И не принял их! А владыка не обиделся. Он очень любил о. Тавриона...

— Он ведь и похоронен рядом с о. Таврионом по завещанию.

— Да, да! Я уже говорил, что о.Таврион ему искал кандидатов в священники. Рукоположиться там сравнительно легко было. Меня как-то позвали: «Беги, беги, владыка зовет». Я прихожу, сидит владыка, а рядом — о. Таврион и улыбается. Я весь в трепете: «Что же он у меня будет спрашивать? Наверное, что-нибудь вроде: «Как веруешь?» Владыка на меня посмотрел и говорит: «Как фамилия?» Весь романтический налет у меня сразу слетел. Владыка выяснил мои анкетные данные (о.Таврион сидит молча) и сделал мне предложение, которое тогда я, конечно, не мог принять. Тем более что о.Таврион ника-

ких предварительных бесед со мной на эту тему не вел.

Я думаю, что новые ставленники, которых после рукоположения в дьяконы ему приходилось "натаскивать", - они ему, конечно, сильно мешали. Алтарь маленький, а главное - духовный настрой у него был просто огненный. Он горел на литургии, как факел, а они там стоят и пищат еле-еле: "Паки и паки..." Очень он не любил, если кто-то тихо читал на службе.

— *Голос громкий у него был?*

— Голос у него был... наполненный что ли. Не то чтобы громкий. Хрипловатый. Но "шелчуших" на службе не жаловал. И когда некоторые вялые дьяконы еле-еле слышно возглашали ектении, о. Таврион не передаваемо морщился... Очень любил, когда читали громко, звонко и радостно, с силой, чтобы читавший сам при этом горел. Тогда он говорил: "Как прекрасно и хорошо прочитано! Это значит, что у церкви есть силы!" После таких слов не знаешь - ты на небе или на земле.

Стоит рассказать один эпизод. Был у о. Тавриона дьякон совсем молодой парень. Конечно, было ему трудно: утром служба, вечером служба - и так каждый день. Пойти некуда - пустынь. С другими он не общался - почти не выходил. Меня всегда удивляло, что дьякон служит в страшно грязном, мятом облачении и не делает никаких попыток его постирать. Вокруг матушек полно. И вдруг в один прекрасный день, рано утречком, я прихожу в храм и вижу, что дьякон слегка шатается.

— *Он что, был... э... «нездоров»?*

— Ну, да! "Нездоров" в этом самом

Когда о. Таврион в молодые годы ехал через всю страну в армию, где-то в районе Уральских гор он, смотря в окно и видя чудесные полянки, лесочки, подумал: "Вот сподобил бы меня Господь сюда..." Когда он рассказывал об этом, то, заливаясь смехом, говорил: "И Господь услышал мои молитвы". Он там в лагерях был...

смысле. Это все увидели и - "шу, шу, шу". Но молчат. Все ждут, что сейчас батюшка придет и сам скажет. Я стою и думаю: "Сейчас из этого дьякона пух и перья полетят. О. Таврион наверняка выгонит его и немедленно. А потом выйдет на амвон и скажет: "Ну вот, из наших рядов выпал один член. Так идите же и займите его место!" Меня всю службу физически трясло, настолько зримо я все это себе представил. А если он так скажет - я же не могу остаться на месте! Я должен буду идти. Тогда все. Работа, родители - неважно, надо всю жизнь ломать. Но он не только ничего не сказал, он вообще эту ситуацию как будто не увидел. Оставил дьякона служить.

— *И замечания никакого не сделал?*

— При нас, внешне, - никакого. Он ни звука не произнес, как будто этого не было. Не думаю, что он не заметил, этого не заметить было нельзя. Но он это как-то принял на себя. И все. Больше мы этого дьякона пьяным не видели, да его скоро и забрали из пустыньки. О. Таврион простил его. А вот другого не простил, в смысле - не скрыл ситуацию. Приехал парень - семинарист из Ленинградской семинарии. В длинном католическом подряснике, очень модном тогда, с множеством пуговичек, до пола. Но с великолепным голосом. Как он читал! Никто из молодых паломников, которым батюшка давал читать, даже не завидовал. Было видно, что это профессионал пришел, а мы все - так, любители. И вот он почитал разочек - другой, блеснул, потом смотрим - на службу не пришел, потом - то приходит, то не приходит. На трапезу тоже. Интереса к нам нет. Мы его пытаемся на тему семинарии раскрутить - не раскручивается. На работах никогда и нигде его не видели. Ну, ладно, мы уважаем, семинарист все-таки. Через несколько

дней тихо исчез. Как-то на службе я читаю часы, а о. Таврион исповедует. И вдруг он начинает говорить, - не останавливая меня, а как бы сам с собою. Он говорит: "Вот, приезжают сильные, молодые. А что же они хотят-то? Дай, говорит, на дорогу". Дать на дорогу - вещь нормальная. Хотя никто из нас не смел просить у него ни копейки, он каждому давал "на дорогу", особенно первый раз. Для меня это, правда, было шоком. Он мне вдруг дает конвертик и говорит: "Деточка, это тебе на трамвай". Как Вы помните, тогда проезд на трамвае стоил три копейки. Открываю конверт, а там сотня! По тем временам это большие деньги. Люди сто рублей в месяц получали.

— *Это сколько же людей приезжало, что собирали столько денег?*

— Денег было много. Но он давал, конечно, не всем. Так вот, собирается он дать и этому "деточке" - семинаристу. "Дай денег на дорогу". - Я дал ему сто рублей. А он говорит: "Мало. Давай двести". С какой скорбью он это говорил! Без патетики. Но в присутствии всей церкви. В храме - мертвая тишина. Вот такая была ситуация. А у семинариста этого мы потом убирали в келье, несколько пустых бутылок вытащили. Грустно...

— *По свидетельству многих духовных детей - я читал их письма, воспоминания, - о. Таврион обладал даром прозорливости. Вот вы, лично, узрели этот дар?*

— У о. Тавриона я такого не помню по отношению к себе. Да я и не особо тогда этим интересовался. Но две вещи я запомнил по отношению к другим. Одна из них описана в печати. Но я знал и продолжение. Автор этой публикации собирался жениться и пришел благословляться к о. Тавриону. Насколько я помню, о. Таврион не очень-то любил благословлять на брак. Он понимал, что верующему человеку в браке в условиях советской действительности жить трудно, его будет тянуть от служения Богу. Но он никого не отговаривал, никогда не призывал к монашеству. Он призывал только к служению. И вот этот автор, известный публицист, пришел благословляться, а о. Таврион ему говорит: "В Евангелии что написано?" Тот был человек подкованный и с ходу ответил такой фразой: "Лучше вступить в брак, нежели разжигаться". Отец Таврион сразу посуровел. Он таких шуточек не любил, а это, конечно, звучало очень поверхностно. "Не там читаешь! Взвисьшийся за ручки плуга и оглядывающийся назад, неблагонадежен для Царства Небесного!" Однако человек пренебрег этим советом. А позже, уже имея детей он все-таки развелся с женой. Я помню, что на всех, его знавших, это произвело очень тяжелое впечатление. И сразу вспомнился о. Таврион.

— *В воспоминаниях духовных детей о. Тавриона я встречал упоминания о том, что его благословил на служение св. Иоанн Кронштадтский. О. Таврион говорил что-либо о начале своего духовного пути?*

— Я ничего не слышал об этом. Но помню, как он рассказывал о своих первых годах служения. Мне запомнились два эпизода. Когда о. Таврион ехал через всю страну в армию, где-то в районе Уральских гор он, смотря в окно и видя чудесные полянки, лесочки, подумал: "Вот сподобил бы меня Господь сюда..." И потом, заливаясь смехом, говорил: "И Господь услышал мои молитвы". Он там в лагерях был. Второй эпизод - о его поставлении в архимандриты. Его правящий епископ Павлин (Крошечкин) отправил на утверждение митрополиту Сергию (Страгородскому) список своего духовенства с приложением предлагаемых наград к Пасхе: кому митру, кому открытые Царские врата, кому-то что-то, а игумена Тавриона - к архимандритству. А тот был чуть ли не самым молодым членом клира. Возвращается этот список от митрополита Сергия: никому ничего, а игумена Тавриона - к архимандритству. При возведении в сан архимандрита его держали с двух сторон (так положено будущий схимандрит Андроник (Лукаш) и Зосима - будущий митрополит Тетрицкаройский (в Грузии - ред.). Зачитал епископ указ и говорит о. Тавриону: "Ты не знаешь. Это тебе не за твои прошлые заслуги. Это тебе в залог. Потому что о тебе ТАМ (у властей - ред.) так думают, что я

полагаю, ты всю жизнь проведешь в тюрьме".

— *Так и сказал?*

— Так и сказал. А о. Таврион опять заливался смехом: "И сбилось предсказание владыки!"

— *Высказывался ли о. Таврион как-нибудь политически остро по поводу происходящих тогда в стране гонений на церковь? Известно, что он слушал зарубежные "радиоголоса" и был в курсе западных оценок, которые давались событиям в Советском Союзе.*

— Он был человек осторожный и никогда себе не позволял игру в остроу. Он очень ценил возможность иметь под Ригой маленький оазис, где люди могли духовно расправиться, поднимать крылья. Он говорил о гонениях на церковь. Но не говорил прямо: "Вот, власти виноваты". Его больше беспокоило, что люди не делают даже того, что делать было можно и нужно. Особенно священников обличал, которые закрывали храмы на замок и ехали в отпуск. Никто не служит за них, а они, как он выражался, по пляжу в трусах бегают. А люди - некрещенные, ни помолиться, ни причаститься. Он действительно все слушал и все читал, все в себя вмещал и ориентировался в происходящих событиях прекрасно. Он ничему не был чужд.

Один раз при мне о. Таврион собирался в Москву. Его вызывали на Лубянку. Тогда я почувствовал, что он был неспокоен. Он не трясся, всех успокаивал, но было видно, что он предполагал и худший вариант, т.е. что он может и не вернуться. Он к этому готовился всерьез.

— *Как Вы думаете, если бы встал вопрос о канонизации о. Тавриона, то что сделано им для церкви поставилось бы ему в заслугу прежде всего?*

— Прежде всего - буквально воскрешение человека еще при жизни. И тех, кто робко начинал церковную жизнь и тех, кто наоборот, уже сильно впился в обрядовую, внешнюю струю православия. Я видел как приезжали нормальные советские бабушки: в храме - крестятся, дома - дерутся, и за три дня из такого твердокаменного утеса он делал людей. Причем делал не личными беседами, не угрозами, а той замечательной духовной обстановкой, которая была в пустыньке. Эти люди начинали улыбаться, добреть, вступали в беседы. Вдруг становилось понятно, что церковь - это не только храм, а храм - не самозамкнутая система, и в храме возможно живое творчество. Не фантазия, а именно творчество при сохранении благоговения. Мы понимали, что о. Таврион не занимается игрушками. Неделя в пустыньке - такой заряд, после которого можно было жить спокойно, не слишком страдая от окружающей действительности, в которой якобы негде себя выразить. Стало совершенно ясно, что, во-первых, уже есть где, а во-вторых, что вся эта система рано или поздно рухнет, и тогда надо будет вот так действовать. Было ясно, что есть потенциал, а не просто какой-то оазис, и что в церкви именно так - нормально, а не сверхъестественно. О. Таврион очень не любил сверхъестественного в плохом смысле этого слова, т.е. искушения чудом. Все ведь хотят чуда! И его пытались представить таким чудом. Он этот "имидж" не поддерживал. Он работает, и все работают в церкви. И работать - не значит только что-то строить, делать. Он очень много построил и много сделал. Но никогда не придавал этому серьезного значения. По крайней мере, он не показывал, что это какое-то важное дело.

Главным для него были не личные беседы с народом. Он всего себя вкладывал в службу и проповедь. Все-таки какое надо иметь дерзновение, чтобы призывать причащаться всех и без многодневной подготовки! Ведь многие приезжали из мест, где о храме или вообще не слышали, или боялись в него заходить.

— *У него были помощники? Или он все делал один, все - сам?*

— Даже близко к тому понятию не было. Технически же помогали многие.

— *Это странно - при таком-то количестве духовных детей...*

— Я думаю, нет, потому что он представлял совсем другую традицию. Он, конечно, настоящий "могиканин", один из

последних. Не говорю про его личные дарования, а только о том, как он воспитывался, как прошел жизнь, как он действительно посвятил себя Богу. Вокруг же него была в полном смысле "молодая поросль", даже если это были по возрасту пожилые люди. Они все духовную жизнь (в полном смысле этого слова) только-только начинали. Им нужно было солнце, и о. Таврион им светил, тепло - он его давал, защиту - он их укрывал. Но при этом задавал такой внутренний тон, что все постепенно росло и что-то понимали про ответственность за церковь.

К нему часто приходили люди просить помощи и денег, в том числе бывшие зеки. Помню, что однажды пришел здоровенный парень с бритой головой и обратился к о. Тавриону, когда тот вышел из домика и стоял в окружении народа. Как его о. Таврион стал "чистить"! "Ты что? Здоровый, большой! Приходишь кланяться. В тебе такие силы! Куда же ты их траишь?" Рукал его принародно и очень сильно. И тот, втянув голову в плечи, пошел к воротам. Но у ворот его догнала посланная батюшкой монахиня и, когда никто не видел, сунула ему конвертик. Мне показалось, что это очень хорошо - при всех его надо было поругать, ибо, действительно, давать этому громиле на виду у, прямо скажем, небогатых людей было бы, наверное, не очень хорошо.

— *Если вменится ему в заслугу воскрешение человека при его жизни, как и какими словами об этом в акафисте можно сказать?*

— (Смеется). Я подумаю об этом. Но на самом деле, он не очень-то вписывается в акафист. Это должна быть какая-то другая служба, более "крепкая" (он очень любил это слово). Он как Иоанн Предтеча: с одной стороны, вроде весь там, в традиции, в старом, но есть в нем и совсем другое. Смелость, дерзновение, открытость, за которыми всегда стояла ответственность. Неожиданное, резкое, шокирующее в его действиях было. Но не безответственное. Все, что он делал, не было случайным. Было не результатом эмоционального порыва, хотя вряд ли и результатом каких-то длительных раздумий. Современные издания Глинской пустыни не говорят о нем вовсе. Издан календарь Глинской пустыни за 1998 год, и в нем списки всех ее "выпускников", которые были священниками или настоятелями. Так вот о. Тавриона там просто нет.

— *Вы были в пустыньке после смерти о. Тавриона? Какое впечатление она производит?*

— Никакого. Все храмы, постройки на месте, все приятно, все хорошо. Но что там делать? Последователей-то нет.

— *А память об о. Таврионе в пустыньке сохранилась?*

— В смысле почитания - не думаю. Таких людей жившие лишь "около" них, как правило, не любят.

Беседу записал Владимир ЛАВРЕНОВ
Интервью дано в 1998 г.

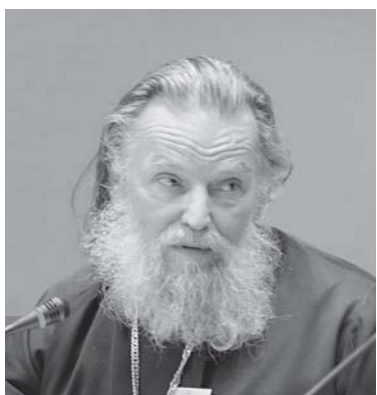
ЛЮДИ ЖДАЛИ ОТ ЦЕРКВИ ОТКРОВЕНИЯ

«Кифа»: О. Павел, Вы уже не первый раз на конференциях СФИ. Что, на Ваш взгляд, объединяет все эти конференции, что оставляет наиболее глубокий след в Вашей памяти, в Вашем сердце?

Прот. Павел Адельгейм: Сам по себе приезд в Москву для провинциала, целый год никуда не выезжающего — я приезжаю только к вам, больше я из Пскова не выезжаю — уже освещает. С другой стороны, здесь, на конференции, замечательная обстановка внутренней свободы, поток свежего воздуха. Со всеми людьми можно разговаривать, и все тебе рады, это замечательно. Наконец, третье: сама по себе конференция, где присутствуют такие серьезные, умные и образованные люди, стимулирует, заставляет работать. Хочу или не хочу, если приглашают делать доклад, приходится вкладывать силы, сидеть и трудиться. Я много работал над последним докладом. Обдумывать его начал зимой, а основательно сидел над ним не меньше полугода. Конференция, конечно, очень стимулирует. Это замечательно.

«Кифа»: Если говорить о нынешней конференции и ее теме — как Вы думаете, есть ли будущее у диалога церкви и общества? Если есть, то каково оно, каким оно Вам видится?

Прот. Павел Адельгейм: На диалог церкви и общества больших надежд я не возлагаю. Андрей Борисович Зубов был прав, когда говорил сегодня, что диалог — когда двое встречаются во взаимном разговоре, а здесь, скорее, некоторая вовлеченность церкви и общества, соучастие. В конце 80-х — начале 90-х люди ждали от церкви откровения. К сожалению, они в своих ожиданиях обманулись. Ещё в 70-х, когда возможности миссии и проповеди для церкви были закрыты, о. Сергей Желудков говорил: у меня бывает страшный сон. Открылась возможность проповеди: телевидение для нас выделяет программу и время, можно проповедовать по радио, нас повсюду зовут — а нам сказать нечего. Сбылись его опасения. Не потому, что сказать нечего. Служители церкви уклонились от творческого общения. Они не вышли навстречу социальным-культурным исканиям. Современному сознанию предложили вписаться в круг устоявшихся стереотипов церковного быта, в котором много нехри-

тианского, языческого, магического, недостоворного и неподлинного. Церковная власть не позволила возродить и продолжить ревизию церковной жизни и мысли, предпринятую Поместным Собором 1917 года. Многие разочаровались в общении с церковью. Они отошли потому, что не нашли в ней того, что ожидали. Используя термины экономики, можно сказать: теперь «спроса» нет. А без «спроса» теряет смысл «предложение». Надеюсь, что ситуация изменится, но оснований для надежды мало. Люди приходят понемногу, появляются новые люди, робко приходит интеллигенция, мужская часть человечества, но это очень-очень медленный процесс. Приход живет, понемногу какие-то изменения в нем накапливаются, но очень медленно.

«Кифа»: Каково, по Вашему мнению, место движений в этом диалоге?

Прот. Павел Адельгейм: Преображенское движение создаёт уникальное поле общения церкви и общества. А где еще есть пространство свободного общения? Я не знаю. Движение, сложившееся чудесным образом, позволяет сохранять надежду, что церковь и общество найдут общий язык. Взаимное влияние необходимо. Церковь должна преобразить общественную жизнь. Но для того, чтобы влиять на общество, церковь должна обрести общественное доверие. Оно начинается с искренности и открытости навстречу друг другу.

«Кифа»: Можно еще несколько слов в конце — Ваши пожелания нашим читателям?

Прот. Павел Адельгейм: Что ж, могу сказать, что отношусь к вашему изданию с доверием. То, что пишется, пишется искренне. Я желаю читателям доверять «Кифе».

ДИАЛОГ ДОЛЖЕН СТАТЬ ОБЫДЕННЫМ

«Кифа»: Ждете ли Вы начала обсуждения темы диалога на достаточной глубине как со стороны церкви, так и со стороны общества?

С.И. Иваненко, доктор филос. наук, религиовед, проф. РГГУ: Мне кажется, что сейчас скорее было бы полезно говорить о сотрудничестве церкви и общественных структур, церкви и государственных органов. Проблема эта, действительно, чрезвычайно сложная, поскольку без диалога нет и сотрудничества и не может быть. Т.е. диалог, как мне кажется, должен стать уже чем-то обыденным и вестись по определенным, достаточно четким правилам. Ска-

жем, в католической церкви эта проблема уже достаточно формализована. Как мне представляется, сейчас мы тоже постепенно переходим к такому этапу в жизни общества, государства и церкви, когда от эмоционального порыва и некоторых импровизаций было бы очень хорошо перейти к таким формализованным процедурам, четко регламентированным. «Основы социальной концепции РПЦ», которые, как вы помните, приняты в 2000 году, дают для этого определенные возможности — хотя бы само построение этого документа, который разделяется на части, параграфы и так далее.

РЕЗУЛЬТАТОВ НУЖНО ЖДАТЬ

«Кифа»: Конференция завершилась. Каково Ваше впечатление от этих трех дней? Я надеюсь, что Вы были на всех заседаниях.

Свящ. Герхард Подскальский, профессор древней церковной истории, византийского и славянского богословия в Философско-богословском институте Sankt Georgen (Франкфурт-на-Майне): Я присутствовал все время. Я в первый раз на конференции Вашего института, и в целом впечатление хорошее. И от участников, и от тематики, и от того направления, в котором шло обсуждение. В первый день было недостаточно отведено времени для дискуссии, было пять докладов без перерыва. Но во второй и в третий день было другое впечатление, особенно на секциях, потому что там было меньше докладов, не такие большие группы участников, и там было обсуждение, хотя иногда слишком бурное, видимо, оттого, что некоторым ведущим не всегда удавалось удержать его в дисциплинарных рамках.

Вообще такие конференции очень полезны, и это можно

было видеть по тому, что присутствовало такое множество людей — помещения были переполнены, и участники приехали из разных стран, они представляли разные профессии, социальные группы. Так что мое общее впечатление очень хорошее.

«Кифа»: Каких результатов, на Ваш взгляд, мы можем ожидать от состоявшегося обсуждения?

Свящ. Герхард Подскальский: Несколько дней недостаточно для того, чтобы судить о том, каковы будут реальные результаты. Я надеюсь, что основные материалы конференции будут опубликованы в книге, может быть, в каких-то журналах, и будут обсуждаться. Результатов этого нужно ждать. Я не пророк, чтобы сказать, что будет, скажем, через год, сбудется или нет ожидания того, что должно измениться в церкви и в отношениях между церковью и лежащим вне нее миром. Я бы предложил в следующий раз пригласить не только верующих, но и людей «снаружи», например, известных журналистов, директоров круп-

ных предприятий, деятелей науки, людей, имеющих влияние в обществе и имеющих возможность исполнить то, о чем они говорят — и устроить дискуссии между этими людьми и верующими. Мне кажется, что на этой конференции большинство докладчиков — не все, были исключения, но тем не менее большинство — представляли фундаменталистскую точку зрения. Это хорошо, но для того, чтобы была настоящая дискуссия, настоящие отношения между обществом и церковью, нужно больше приглашать «внешний» мир.

НАМ НАДО ЗАПАСТИСЬ ТЕРПЕНИЕМ

«Кифа»: Каково Ваше впечатление от происходящего здесь, на конференции, разговора о диалоге? Каковы его перспективы?

Свящ. Норберт Котовский, доктор богословия (Биндлах, Германия): Для меня эта конференция — очень живой и непосредственный опыт, когда люди с разными точками зрения обсуждают свое видение современной религиозной ситуации в мире. Я считаю, что здесь происходит очень глубокий и полезный диалог, и это очень важно.

«Кифа»: Каковы, на Ваш взгляд, роль и значение лаических движений в возрождении этого диалога?

Свящ. Норберт Котовский: На плечах мирян лежит огромная задача. Сейчас на Западе мы говорим о том, что миряне — это душа церкви, ее хребет, мы даже говорим о таинстве мирянского (sacrament of the people) в церкви и о том, что, используя греческое слово «перифаресис», миряне призваны быть как бы посредниками, средствами взаимопонимания между церковью и обществом.

«Кифа»: Вопрос в связи с темой Вашего доклада: насколько в современной Германии актуален, известен и востребован опыт Бонхёффера, опыт исповеднической церкви — той части лютеранской церкви, которая не приняла тоталитарный режим?

Свящ. Норберт Котовский: Я бы сказал, Дитрих Бонхёффер для нас — это как сокровище еще пока сохранилось. Имя его, конечно, известно, но не могу сказать, что его читают. Понятно, что его читают и обсуждают студенты, читают в академических кругах, но по-настоящему, конечно, мне кажется, нам стоило бы обратиться к его первой работе — «Общение святых», в которой он разрабатывает эцклезисологические положения, в частности, о том, что Церковь — это Христос, живу-

щий сейчас. Это очень важная тема в работах Бонхёффера. Он говорит, что Христос живет как община, как церковное собрание. У него есть и работа, где он разрабатывает положения, которые закладывают основные лютеранской этики. Проблема же в том, что, в частности, в евангелических кругах, его еще не принимают за его взгляды в отношении к государству и государственной власти, за его сотрудничество государственной власти.

«Кифа»: Каковы перспективы церковной рецепции, церковного принятия опыта Дитриха Бонхёффера в Германии, Европе, вообще в лютеранском сообществе?

Свящ. Норберт Котовский: Мне кажется, что здесь важно осознать два важных положения в его учении, которые могли бы повлиять на весь лютеранский и евангелический мир в Германии. Одно — это то, что он провозглашает будущее как будущее без религии, мир без религиозного отношения к жизни. Второе — это когда он борется против так называемой «дешевой милости», против того, что мы проповедовали благодать без закона, без каких-то этических норм, и в результате оказались в этическом хаосе. В этом смысле его учение для нас очень актуально, потому что он остановил инфляцию «дешевой благодати».

«Кифа»: Сейчас, по признанию многих богословов и руководителей разных церквей, главным является вопрос о природе Церкви. Я думаю, и не только я, что Дитрих Бонхёффер — один из тех людей, чей опыт очень важен для того, чтобы ответить на этот вопрос. А кого бы Вы пригласили при обсуждении этого вопроса из православных богословов прошлого и настоящего в качестве экспертов?

Свящ. Норберт Котовский: Насколько я знаю, вопрос об определении Церкви достаточ-

но новый. По-моему, сейчас существует такое общее согласие, что никто — ни Рим, ни Кентерберри, ни Москва, ни Константинополь, ни Витенберг — не может сейчас семантически дать определение, в котором бы объединились две природы, два аспекта Церкви, которая, с одной стороны — божественный организм, а с другой стороны — и социальное, и эмпирическое явление, организация. Как это объединить, какую семантическую формулу найти? Боюсь, что этого никто не знает. Боюсь, что нам еще лет пятьсот понадобится, чтобы подготовить новый вселенский собор и дать такое определение Церкви. И поэтому нам надо запастись терпением, чтобы пройти такую длинную марафонскую дистанцию, и работать.

Если же говорить предположительно, то в качестве экспертов я бы, конечно, хотел пригласить людей, имена которых часто звучали на этой конференции — начиная с о. Сергия Булгакова, и, конечно, современных богословов Нью-Йоркской школы, Свято-Владимирской семинарии — о. Александра Шмемана, о. Иоанна Мейендорфа, также французских

богословов парижской школы из Свято-Сергиевского института, а из современников — наверное, моего близкого друга митр. Германа Волгоградского.

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомин (ул.

Николаяская, д.6), в книжном киоске первого гупфака МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (Малая Конюшенная, 9)
В Париже: в магазине «YMCA-Press»

Телефоны распространителей:
Москва: 3142596 (Александра Ошарина), 1314769 (Ольга Филиппова), 2107006 (Ольга Орлова), 1589116 (Валерия Волкова), 3426306 (Марина Чиркова),

Санкт-Петербург: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная)
Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Чеботасва
Александра Ошарина

Иллюстратор:

Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марсев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Тел./факс:

(095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.